

Бог один – человек чтит
Его во многих лицах

РАМАКРИШНА

подвижник духа и Учитель

путь к совершенству

УДК 294
ББК 86.33
P21

Рамакришна - подвижник духа и Учитель

P21 (сборник историй о жизни Рамакришны, его высказывания, наставления и притчи)/ сост. В.В. Егоров. - М.: Амрита-Русь, 2007. - 144 с. - (Серия «Путь к совершенству»).

ISBN 978-5-9787-0030-5

Рамакришна - индийский религиозный подвижник, реформатор индуизма. Развивал идеи *адвайты*, т.е. считал видимый мир не отделенным от Бога (*Брахмана*), а его частью. Опираясь на *Веданту*, проповедовал равенство всех людей и духовное родство религий, каждая из которых права по-своему и является ступенью Пути к Единому. Главной заботой общества Рамакришна считал постоянное духовное совершенствование.

Рамакришна не проповедовал своего учения - у него и не было учения как системы взглядов. Рамакришна просто жил, соприкасаясь с Мировой душой. Его вера была буквальна: он на некоторое время стал исповедовать ислам, он неоднократно впадал в мистический транс перед изображением Богоматери с младенцем, он мог ходить в женской одежде - отнюдь не для демонстрации своих убеждений, но потому, что внутренним зрением перестал видеть разницу между разными верами или между мужским и женским началом.

Читателю сборника жизнь Рамакришны возможно напомнит житие нашего Серафима Саровского.

УДК 294
ББК 86.33

© Егоров В.В., 2007
© Амрита-Русь,
оригинал-макет, 2007

ISBN 978-5-9787-0030-5

Предисловие

Чтобы понять смысл учения Рамакришны и его продолжателя Вивекананды, необходимо представить себе, хотя бы в самых общих чертах, что такое индуизм.

Часто говорят, что индуизм не столько религия, сколько образ мышления и образ жизни.

Организованной религией индуизм попросту не может быть; идеал индуизма - это постижение Бога через непосредственное восприятие Его, что человек способен сделать, лишь проникнув в собственную божественную сущность. В индуизме человек не богоравен - он есть часть Бога. Как, впрочем, все сущее, формы которого разнятся лишь степенью проявленности божественного начала в них. Личный опыт постижения Бога делает излишней надобность в организованной церкви, что, в свою очередь, исключает возможность ересей. Каждый свободен в выборе пути к Богу: можно избрать путь аскетический, путь санньясы - отречения от мира или путь семьянина - благочестия в миру, можно стремиться к Богу личному или безличному, можно соблюдать обряды.

Ответ на вопрос о том, сколько Богов почитает Индия, менее очевиден, чем может показаться; согласно Ведам Бог один, но Он проявляется в различных аспектах, и Его восприятие человеком многообразно.

Брахман - это Абсолют, который есть, все сущее, поскольку все сущее является Его энергиями. Когда он проявлен в формах индивидуальных живых существ, то именуется *Атман*.

Повелитель всех энергий - это *Ишвара*, у которого есть то, что мы бы назвали атрибутами Бога.

Ишвара проявляется в виде различных экспансий, для того чтобы контролировать материальное творение: как создатель - тогда это Брахма и его женское начало - Сарасвати; как хранителя - тогда это Вишну и Его женское начало - Лакшми; как разрушителя - тогда это Шива и его женское начало ~ Кали.

Вишну, в качестве хранителя, время от времени, когда мир нуждается в помощи, приходит в него, приняв животное или человеческое обличье, что в Индии называется *Аватара*. Абсолют, даже приходя в материальный мир, остается самим Собой, поэтому пока Он пребывает в нем, Он не испытывает каких-либо страданий, причиной которых является *майя* - бренность бытия.

Итак, кого бы из сонма Богов ни почитал человек, он все равно чтит в любом из них Абсолют. Многие индусы причисляют к Аватарам Будду, а также и Иисуса - христианских миссионеров это всегда приводило в большое смятение.

«Основной вопрос философии» - дух или материя? - для Индии никогда не существовал, ибо они неразрывно взаимосвязаны. Энергия Абсолюта творит природу, природа творит разум, тот - интеллект, из интеллекта рождается аханкара, самоощущение личности.

Для постижения своей первопричины человек должен как бы двигаться обратным путем, убирая с истины завесы майи: прежде всего он должен преодолеть эгоистическую узость аханкары, затем - ограниченность своего интеллекта с его логическими построениями, подчинить себе свою телесную природу и так, шаг за шагом, открывать *Брахмана* в себе, приближаться к высвобождению из череды рождений и смертей.

На определенной ступени этого восхождения человек обретает качества, обычно называемые сверхъестественными, обретает власть над природой, затем наступает осознание отсутствия различий между формами жизни, осознание единства всего сущего - *тат твам аси*, все есть То, или все есть *Брахман*.

Таким путем двигался и Рамакришна: от ортодоксальной религиозности деревенского *брахмана*, через почитание Богини Кали, к непосредственному восприятию Абсолюта, Единого. Рамакришна не проповедовал своего учения - у него и не было учения как системы взглядов. Рамакришна просто был - просто жил, соприкасаясь с Мировой душой. Его вера была буквальной: он на некоторое время стал исповедовать ислам, он неоднократно впадал в мистический транс перед изображением Богоматери с младенцем, он мог ходить в женской одежде - отнюдь не для демонстрации своих убеждений, но потому, что внутренним зрением перестал видеть разницу между разными верами или между мужским и женским началами.

У Сэлинджера есть рассказ «Тедди» - об американском мальчике, который в прежнем рождении был индусским святым. Мальчик рассказывает, как пришло к нему новое прозрение: его сестра пила на кухне молоко, а он вдруг увидел, что его сестра - Бог, чашка на столе тоже Бог и она наливает Бога в эту чашку.

Наверное, так видел мир и Рамакришна - видел и рассказывал об увиденном окружающим. Вот и все его учение.

Вот почему он мог заявить, что раз человек есть часть Бога, то лучше всего служить Богу, служа человеку.

Тот, кого позже будут звать Рамакришной (настоящее имя - Гададхар Чаттерджи), родился 18 февраля 1836 г. в Индии, в одной из деревушек Бенгалии, в семье бедных *брахманов*, живших очень тяжелой жизнью. Это был с виду обычным ребенком, об особой миссии которого не подозревали ни его родители, ни он сам. От своих сверстников Гададхар отличался необычной способностью впадать в экстаические состояния, что обуславливалось его невероятно тонкой чувствительностью к красоте и гармонии природы, музыки, поэзии.

Никакого особого образования он не получил. Достигнув юношеского возраста, он стал пуджари (служителем) в храме Богини Кали.

В Индии Рамакришну зовут *Парамахамсой*, что в переводе значит «великий лебедь» - как лебедь постоянно живет в двух средах - водной и воздушной, так Рамакришна постоянно жил в двух реальностях - во всем нам привычной, обыденной и в иной - вечной.

Рамакришна - удивительная и неординарная личность, мистик, открывший своим духовным, мистическим опытом - единство всех религий. Учение Рамакришны концептуально и систематически не изложено, его нет и в письменном виде, поэтому его можно лишь реконструировать, исходя из дошедших до нас переказов его поучений и притч.

Постоянная тема этих притч - единство; един Бог, предстающий перед сторонниками разных вероисповеданий в изменяющихся формах, едины в сущности своей все виды религиозного поклонения. Едины, наконец, и философские основы религий -

так, сторонники разных видов толкования *веданты*, спорящие о соотношении Бога и мира, подобны человеку, который не понимает, что во фрукте равным образом реальны и важны все его составные части - от семечек до кожуры.

Другая тема - бедствия «железного века», известного под названием *кали-юга*, вызванные господством в душах людей мировой иллюзии - *майи*. При этом у Рамакришны идет речь о *майе* отнюдь не для уточнения средневековых различий, касающихся соотношения бытия и небытия, для него это психологическая реальность, определяемая через такие ее «приманки», как «женщины и деньги»; иногда дается и более развернутая формула: «женщины, деньги, земля». И сама эта формула, и примеры, поясняющие ее (прежде всего речь идет о бедствиях многодетных и малоимущих, но постоянно увеличивающихся семей), прямо связаны с тем простиравшимся вокруг Рамакришны морем нищеты, бедствий, отчаяния разорявшихся ремесленников и крестьян, которое было столь характерно для Индии XIX в.

И наконец третья, постоянная тема бесед Рамакришны - поиск путей освобождения от бедствий кали-юги. Он отнюдь не считал необходимым для этого уход от мира. С его точки зрения, следует лишь умело сочетать *бхакти* и *мукти* - любовь и свободу, жить в мире, но не быть привязанным к нему (излюбленный пример Рамакришны, обычно приводимый в качестве иллюстрации к этому положению, - так живет служанка в доме своих господ, будучи далека от них в своих мыслях), бескорыстно выполнять свои обязанности. И наконец, самое главное, самое необходимое в «железном веке» - любовь (*бхакти*), помогающая видеть присутствие Бога во всех людях, независимо от их положения в обществе. Характерны его высказывания об относительности кастовых различий,

об уменьшении их роли для достигшего совершенства человека. И это не были лишь слова, это была норма поведения самого Рамакришны: например, всю Индию облетел рассказ об одном из его самых необычных поступков: ночью, пробравшись в хижину неприкасаемого, то есть, человека самой недостойной касты, он подмел пол хижины своими длинными волосами.

Рамакришна выступал с проповедью единого Бога (в качестве высшей реальности), считал относительными кастовые различия, отстаивал идею упрощения и удешевления обрядов: поклоняться Богу лучше, по его словам, в самых простых формах. Рамакришна жил, окруженный учениками, которые его любили и были ему преданы. Но Учитель всегда предостерегал их от обожествления его.

С 1881 года толпы богомольцев приходили к ограде святилища, чтобы увидеть и услышать этого необыкновенного человека, оваянного легендами. Он был со всеми невероятно терпимым, проникновенным. Спокойно и мягко отвечал на тысячи вопросов, наполняя окружающих радостью, покоем и надеждой. Иногда он говорил с ними по 20 часов в сутки. До последнего дня своей жизни, он дарил им свет и любовь.

15 августа 1886 г. Рамакришна покинул этот мир.

что такое учитель?

В обычной жизни мы представляем учителя как человека, который учит детей в школе.

В религиозных учениях Учителя земные, т.е. люди, достигшие определенной ступени сознания и духовности, достаточно высокой, чтобы вести за собой в деле духовного развития, эволюции, движения к Высшему идеалу. Есть Учителя, как Будда или Христос,

которые одновременно являются и Учителями, и идеалом человека, к которому нужно стремиться. В эзотерике считается, что есть Высшие Учителя Человечества, которые не живут на Земле, лишь изредка некоторые из них могут воплощаться в плотные тела (или показываться им в эфирно-астральном теле), Великие Адепты обитают в иных мирах, в других измерениях пространства и оттуда помогают человечеству, как Учителя легендарной Шамбалы. Трудно услышать голос Великого Учителя. Восточная мудрость гласит, что когда ученик готов, то учитель найдется. Но дело в том, к чему и как готов человек, такие и учителя придут к нему. Есть ведь среди адептов и Темные силы, Темное братство, и они всячески пытаются завладеть продвигающимися по Пути Света. Они прельщают материальными благами, возможностями даровать способности, таланты, богатство, но будут использовать все ваши силы и таланты в своих корыстных интересах и, в конечном счете, в ущерб этим целителям, контактерам и всем людям. Поэтому, занимаясь духовным самосовершенствованием и развитием личных паранормальных способностей, медитациями и т.п. надо быть внимательным, чтобы не попасть в услужение к Черным учителям, вместо Белых. Здесь имеется в виду ошибка при выборе, но если человек осознанно становится адептом Черной Магии, сатанинских сект, демонических, враждебных человечеству Сил, то он совершает самоубийственные действия по отношению к судьбе своей души и зачастую ухудшает карму своих близких. Выбор гуру, учителей, учений и философии жизни - это очень серьезный шаг.

О том, как из простого мальчика из бедной индийской семьи вырос великий подвижник духа и Учитель свидетельствует Вивекананда - лучший ученик Рамакришны - в своей речи в обществе «Веданта» в Нью-Йорке (эту речь вы найдете в конце сборника).

1. Первый экстаз

Гададхару было уже шесть лет, когда однажды в июне или июле (1842 года) он, не спеша, прогуливался, направляясь в поле, где работал его отец. Позже, когда его уже называли Рамакришной, он рассказывал:

- Я шел по узкой тропинке между бороздами рисового поля. Жуя свой завтрак - горсточку вареного риса, я случайно поднял глаза к небу и увидел чудесную грозовую тучу, которая быстро росла. Скоро она охватила все небо. Вдруг над моей головой, окаймляя тучу, пролетела стая белоснежных журавлей. Контраст был так прекрасен, что дух мой унесся в заоблачные дали. Я потерял сознание и упал; мой рис рассыпался. Кто-то поднял меня и на руках отнес домой. Избыток радости, волнение одолевали меня. Я впервые вознесся в экстазе...

Рамакришне предстояло провести в экстатическом состоянии, состоянии *самадхи*, больше половины своей жизни.

Уже этот первый экстаз обнаруживал своеобразную власть Божества над душой этого ребенка. Волнение художника, страстный инстинкт красоты - вот первый путь его сближения с Богом.

Влюбленный в божественную красоту гениальный художник, самому себе неведомый, снова раскрылся во втором своем экстазе.

В ночь праздника Шивы он, тогда восьмилетний ребенок, который страстно любил музыку и поэзию,

лепил фигурки и руководил маленькой драматической труппой ребят своего возраста, принимал участие в религиозном представлении. Когда он играл роль Шивы, то вдруг почувствовал полное отождествление со своим героем, его щеки залились слезами счастья; он был поглощен славой Шивы и вознесен, как Ганимед Зевсом, он чувствовал себя орлом, держащим молнию; все подумали, что он умер...

С детства Гададхар был увлечен *киртанами* - песнями, прославляющими Бога, в сопровождении танцев. Он упивался музыкой вайшнавов, и можно сказать, что сам он всей своей жизнью стал лучшей, богатейшей из этих песен.

Юношей он уже знал великие поэмы вайшнавов - но чаще всего в популярном переложении для представлений народного театра, называемого «ятра» (вроде тех, в которых он ребенком играл роль Шивы). Он восхищался, особенно в период после 1858 года, Шри Чайтаньей, жившим тремя столетиями ранее. В конце концов он стал отождествлять себя со Шри Чайтаньей. В одной из первых бесед с молодым Наренном (так звали вначале будущего Вивекананду) он заявил, к полному недоумению молодого человека, что был знаком со Шри Чайтаньей в одном из предыдущих своих воплощений. Он способствовал пробуждению забытого в Бенгалии особого экстатического чувства, свойственного Шри Чайтанье.

* Материалы для этой части книги в основном взяты из книги Ромена Роллана «Жизнь Рамакришны».

2. Отрочество, юность и возмужание Рамакришны

До тринадцати лет он, свободный как ветер, был любимцем и баловнем женщин и девушек. В мыслях он самовоплощался в Кришну и других героев легенд - предвещие способности сливаться со всеми душами в мире.

Не признающий дисциплины Гададхар отказывался учиться и вскоре после смерти отца, а затем и старшего брата заменил последнего на должности жреца в храме Кали-матери, Черной матери. Настоятельница в этом храме была женщина из низшей касты по имени Рани Расмани.

Молодому жрецу тогда было двадцать лет. Почти десять лет он прожил в храме, хотя и наедине с ней, но вовлеченный в водоворот толп людей: бесчисленных пилигримов, монахов, факиров, индусов и магометан, божьих странников.

Ромен Роллан очень глубоко проникает в интимный мир героя:

«Жрец принимал участие во всех интимных актах ее (Рани Расмани) жизни. Он одевал ее и раздевал, предлагал ей цветы и пищу. Он присутствовал при малом выходе и при отходе царицы ко сну. Как могли его руки, глаза, его сердце не пропитаться постепенно ее плотью? Уже первые прикосновения, - когда он, не решив еще, будет ли ей служить, поправлял своими пальцами художника складки ее одежды, - привязали, приковали его к ней. Пальцы его рук уже хранили следы укола Богини Кали.

Но, оставив в нем жало, она стала его избегать, отказывалась открыться ему. Теперь, когда любовь к ней пронзила его, оса вернулась в свою каменную оболочку; ему не удавалось ее оживить. Влюбленный в немую Богиню, он сгорал на медленном огне. Достигнуть ее, обнять, уловить хоть малейший признак жизни, взгляд, вздох, улыбку - стало единственной целью его существования. Он нежился в самом заброшенном углу сада, похожем на джунгли, и предавался думам и слезам, сняв одежду и священный шнур, с которым *брахман* не должен никогда расставаться. Но любовь к Матери открыла ему, что желающий думать о Боге должен прежде избавиться от всех предрассудков. Он был словно потерявшееся дитя. В слезах умолял он Мать явиться ему. Каждый напрасно проведенный день доводил его до безумия. Он потерял всякую власть над собой. В отчаянии он валялся по земле, на глазах у посетителей; он был предметом жалости, иронии, возмущения. Какое значение могло это иметь? Одно только было важно: он был на грани высшего блаженства, но перед ним стояла стена, преграждавшая ему путь. В своем возбуждении, которым ничто не управляло, он, не зная науки регулируемого экстаза, науки, которая в религиозной Индии была тщательно разработана и проверена на протяжении тысячелетий, со всей педантичностью, требуемой двумя факультетами - медицинским и богословским, - бросился наудачу вперед, ослепленный своим безумием. Он рисковал собой. Смерть всегда подстерегает неосторожного йога, который ходит над пропастью. Люди, видевшие его в эти дни смятения, рассказывают, что его лицо и грудь были красны от постоянного прилива крови, глаза полны слез, тело сотрясилось судорогой. Он был на грани полного изнеможения. Еще шаг - и неминуем провал в черную глубину, мозговой удар или же - прозрение. Он прозрел. Стена рухнула...»

Вот рассказ самого Рамакришны о состоянии, в котором он тогда находился.

«Как-то раз я чувствовал себя во власти невыносимой тоски. Мне казалось, что кто-то выжимает мое сердце, как мокрую салфетку... Муки терзали меня. При мысли, что я так и не удостоился благодати божественного видения, страшное неистовство овладело мною. Я думал: «Если так должно быть, довольно с меня этой жизни». В святилище Кали висел большой меч. Мой взгляд упал на него, и мой мозг пронизала молния:

«Вот. Он поможет мне положить конец». Я бросился, схватил его, как безумный... И вдруг... Комната со всеми дверями и окнами, храм - все исчезло. Мне показалось, что больше ничего нет. Передо мной простирался океан духа, безбрежный, ослепительный. Куда бы я ни обращал взор, насколько хватало зрения, я видел вздымавшиеся огромные волны этого сияющего океана. Они яростно устремлялись на меня, с ужасающим шумом, точно готовились меня поглотить. В одно мгновение они подступили, обрушились, захватили меня. Увлекаемый ими, я задыхался. Я потерял сознание и упал... Как прошел этот день и следующий - я не имею никакого представления. Внутри меня переливался океан несказанной радости. И до самой глубины моего существа я чувствовал присутствие божественной Матери».

В этом чудесном рассказе, за исключением последних слов, нет больше речи о «Божественной Матери», она растворилась в океане. Ученики, благоговейно передающие его слова, задают себе вопрос «Видел ли он действительно божественный образ?» Он не говорил этого. Но, очнувшись после экстаза он шептал жалобным голосом: «Мать... Мать...»

В тексте значит буквально: «Я потерял все свое естественное сознание». Эта деталь имеет значение

так как из дальнейшего явствует, что другое сознание, внутреннее, наоборот, достигает при этом высшего развития.

Многие могли посчитать этого божьего безумца - просто буйным сумасшедшим. Для этого было достаточно оснований и у религиозных людей Индии, видевших его. И сам он, кротко переносивший исследования врачей и их бесплодные советы, впоследствии, оглядываясь назад и мысленно измеряя бездну, которой избежал, не мог понять, каким образом его разум, сама его жизнь не потонули в ней.

Но этот период галлюцинаций был, пожалуй, необходимым этапом, после которого его окрепший дух возвысился до великих мистических осуществлений, представляющих интерес для всего человечества. Изучение этого явления не может не привлечь лучших врачей-терапевтов человеческого тела и духа. Вопрос в том, каким образом снова восстанавливается психика, образуя более высокий органический синтез? Каким образом это обрушившееся здание могло снова вознестись, более обширное, чем прежде, повинувшись его собственной воле, - как говорил об этом впоследствии Рамакришна, ставший господином своего безумия и своего разума, господином богов и людей, то открывающим люк над бездной своей души, то ведущим со своими учениками беседы в стиле Сократа, полные иронической мудрости и пронизательного здравого смысла? Он сознавал, что его состояние похоже на болезнь, и он не отказывается выздороветь...

Его посылают на время домой в Камарпукур. Мать хочет его женить, чтобы вырвать его из-под власти божественного наваждения. Он не противится и даже испытывает при этой мысли невинную радость... Станный это был брак, немногим более реальный - а в смысле душевном еще менее реальный, - чем союз с богиней. Та, кого он взял в жены (1859 год), была

пяtilетним ребенком. Этот институт брака, в сущности более формальный, чем реальный, - потому что детский брак обычно является лишь религиозным обетом, подобным нашему обручению, и становится действительным лишь по достижении зрелости. В случае с Рамакришной брачный союз связывал пятилетнюю девочку с мужчиной двадцати трех лет. Но пусть успокоятся те, кого мог оскорбить этот брак. Это был союз духовный, который так и не осуществился физически. И этот христианский брак - в смысле раннего христианства - оказался впоследствии дивно прекрасным. Будем судить о дереве по его плодам. Здесь плоды от Бога, плоды чистой, не плотской любви. Маленькая Шарадamani стала целомудренной сестрой великого брата, почитавшего ее, незапятнанной его помощницей во всех его испытаниях и подвигах веры, обладавшей твердой и ясной душой. Впоследствии ученики Рамакришны распространили ореол его святости и на нее и называли ее Святой Матерью.

Пока что девочка, согласно обычаю, возвратилась после свадебных обрядов в дом своих родителей, чтобы вновь увидеть своего мужа лишь через десять лет, а Рамакришна возвращается в свой храм, храм Кали.

3. Первые Учителя познания

Едва он переступал порог храма, как божественное безумие охватывало его с удвоенной силой. Его «я» раздваивалось, распадалось, он видел, как из него выходили то демонические, то божественные сущности. В течение многих месяцев он не смыкал глаз. Он чувствовал приближение безумия. Через два года умерла его покровительница... И здесь неожиданно пришла помощь.

Помощь пришла от *женщины-брахмани*. Она принадлежала к касте *брахманов*, к благородной бенгальской семье, преданной, как и семья Рамакришны, культу *вайшнавов*; была высокообразованной и начитанной. Рамакришна тоже принадлежал к семье вайшнавов. Как известно, Вишну приходил в этот мир в форме Своих *Аватар*, из которых главные - Кришна и Рама. Именно этим двум Божествам, как показывает его имя, больше всего был предан Рамакришна. Впоследствии некоторые его ученики стали почитать Рамакришну как богочеловека или воплощение Вишну.

Женщина заявила, что ищет человека, отмеченного Богом, о существовании которого ей известно от божественного Духа. На нее возложена миссия принести ему великую весть. Без лишних разговоров (она даже не назвала себя и так и осталась известной под именем Бхайрави Брахмани - монахиня-*брахман*) между святой женщиной и жрецом Кали

сразу же установились отношения матери и сына. Рамакришна, будучи ребенком, поведал ей о всех треволениях своей жизни в Боге, своей *самдханы* - состояния, по достижении которого йог уже не может свернуть с пути духовного развития. Он рассказал ей о своих горестях, телесных и духовных страданиях; он рассказал, что многие считают его умалишенным, и кротко, с трепетом спросил, так ли это. Бхайрави, выслушав исповедь, утешила его с чисто материнской нежностью и сказала, что не печалиться, а радоваться следует ему, ибо он собственными своими силами достиг одного из наивысших состояний *самдханы*, описанных в священных текстах традиции *бхакти* (йоги любви к Богу), и что его страдания составляют ступень великой лестницы. Она облегчила их, исцелив его тело и просветив его ум. И путь познания, который он проделал с завязанными глазами, впотьмах, она заставила его вновь пройти при полном свете, так как при помощи одного инстинкта Рамакришна в несколько лет достиг таких осуществлений, которые мистическая наука завоевывала веками (но он сможет стать в полной мере их господином лишь тогда, когда постигнет сознанием весь путь победы).

Бхакта, познающий Бога через любовное служение, начинает с принятия некой одной из форм Бога как своего избранного идеала (как божественная Мать, избранная Рамакришной). Он долго остается поглощенным этой единой любовью. Вначале ему трудно постигнуть ее объект, но постепенно ему удается видеть его, осязать, беседовать с ним. С этого времени ему достаточно малейшей сосредоточенности, чтобы почувствовать присутствие Господа. Так как он считает, что его Господь есть все, принимает все формы, он начинает воспринимать различные эманации других форм Бога, которые все являются проявлением его возлюб-

ленного. Эта божественная полиморфия поглощает его воображение. Наконец, она настолько заполняет его своей музыкой, что в нем не остается места для мира материального: он исчезает. Это самадхи - состояние сверхсознательного экстаза, при котором дух все же поддерживает связь с внутренним миром, с миром мысли; он все еще наслаждается сознанием своей жизни в Боге. Но когда одна единственная мысль овладевает душой, все другие мысли бледнеют и меркнут, тогда близка конечная цель - полное самадхи - высшее состояние любви к Богу и тесная связь с Ним.

Весь этот путь развития Рамакришна на три четверти проделал вслепую. Бхайрави, которую он почитал своей духовной матерью, своим гуру, открыла ему все стороны и направления этого пути. Хорошо знакомая с этими путями познания, сама проделавшая все требуемые религиозные ритуалы, она систематически, по правилам, предписываемым священными книгами, вела его последовательно по всем путям самдханы - даже самым опасным, как путь Тантр, подвергающий чувства и ум всем искушениям плоти и духа с целью их преодоления; идущий по этому пути подвергается опасности упасть с духовного пути и прийти к деградации и безумию, и многие из отважившихся не вернулись обратно. Кстати, в отличие от других ведических доктрин, согласно которым Богом является *Пуруша* (Высшая Душа), а целью - Его познание, Богом *Тантры* является *Пракрити* (энергия, душа природы), а целью - полнота обладания. Вместо того чтобы бежать от природы, Тантра борется с ней и овладевает ею. Это дионисийское начало в противоположность началу Аполлонову. Рамакришна же, единственный из всех йогов Индии, соединив в себе

эти дополняющие друг друга начала, остался столь же чистым и закаленным, как сталь.

Теперь он был связан с Богом через любовное служение, которое может проявляться в виде девятнадцати типов отношений, или различных движений души в присутствии Бога: отношений слуги к господину, сына к матери, друга, возлюбленного, супруга и т.д. Он обложил божественную крепость со всех сторон; завоеватель Бога сам имел в себе божественное начало. Его руководительница признала в нем воплощение божества. На собрании, созванном по ее инициативе в Дакшинешваре, в ходе продолжительной дискуссии с учеными-теологами, пандитами Бхайрави заставила некоторых авторитетных теологов признать в нем нового аватара. Это дало основание для легенды о происхождении Рамакришны в результате непорочного зачатия в лоне его матери богом Шивой.

4. "Нагой" наставник

Рамакришне в это время было 28 лет. Судьбе было угодно, чтобы случилась встреча странствующего монаха Тотатури («нагой человек») и Рамакришны, который должен был отказаться от всех надежд, привязанностей, иллюзий, которыми жил: от личного Бога, от всех плодов его любви и его жертвы - здесь, на Земле, и вообще где бы то ни было, отныне и во веки веков... Ему пришлось, совершенно нагому, исполнить над собой символический обряд погребения. Он предал земле последние останки своего «я» - свое сердце... Лишь тогда он мог облачиться в одежду санньяси цвета охры, эмблему нового пути. И Тотатури начал разъяснять ему сущность основных истин **Веданты** и **Адвайты-Брахмана**, единого и неделимого, и погружений в поисках своего «я», чтобы осуществить слияние с **Брахманом** и прочно в нем утвердиться путем **самадхи** (экстаза).

Вот рассказ об этом опыте жизни самого Рамакришны:

«Нагой человек (Тотатури) приказал мне отвлечь мой ум от предметов и погрузиться в лоно **Атмана**. Но несмотря на все мои усилия, я не мог миновать Царство имен и форм и привести свой дух в состояние «безусловности». Мне не стоило никакого труда отвлечь свой ум от всех предметов, за исключением одного: это был слишком близкий мне образ моей лучезарной возлюбленной Матери, средоточие чистого Познания, являвшийся мне как живая реальность. Он

преграждал мне дорогу к потустороннему. Я многократно делал попытки сосредоточить свой ум на поучениях *Адвайты*, но каждый раз передо мной вставал образ Матери Кали. В отчаянии я сказал Тотапури: «Это невозможно. Мне не удастся поднять свой дух до состояния "безусловности", чтобы оказаться с глазу на глаз с *Атманом*». Он строго возразил мне: «Как, ты не можешь? Ты должен». Оглядевшись вокруг себя, он нашел кусок стекла, взял его, вонзил кончик мне в переносицу и сказал: «Сосредоточь свой ум на этом острие». Я напряг все свои мыслительные способности, и лишь только передо мной возник прелестный образ божественной Матери, я воспользовался способностью размышления и, действуя, как мечом, рассек этот образ надвое. Тогда исчезло последнее препятствие, и мой ум тотчас же вознесся за пределы «условных» вещей. Я растворился в *самадхи*».

Ему понадобилось напряжение всех сил и бесконечное страдание, чтобы взломать дверь, ведущую в царство недостижимого. Но, едва войдя, он одним прыжком достиг последнего его этапа *нирвикальп-самадхи*, в котором исчезают и субъект и объект.

«Вселенная померкла. Исчезло само пространство. Вначале мысли колыхались на темных волнах сознания. Только слабое сознание моего «я» повторялось с монотонным однообразием... Вскоре и это прекратилось. Осталось одно лишь Существование. Душа потонула в своем Я. Всякая двойственность исчезла. Пространство конечное и пространство бесконечное слились в одно. За пределами слова, за пределами мысли я достиг *Брахмана*». Он в один день осуществил то, для чего Тотапури понадобилось сорок лет. Аскет, пораженный результатом своего опыта, изумленно взирал на это тело, застывшее, как труп, и пролежавшее три дня, излучая божественную ясность духа, достигшего предела познания. Тотапури должен был

пробыть на месте встречи лишь три дня. Однако он остался на одиннадцать месяцев, чтобы вести беседы с учеником, превзошедшим своего учителя.

Положение изменилось. Молодой птенец спустился с небесных высот, он заглянул за первую грядку холмов. В его расширенных зрачках запечатлелись более широкие просторы, чем в узких острых зрачках старого «нага». Теперь настала очередь орлу поучать змею.

Не обошлось без сопротивления.

Вот перед нами стоят лицом к лицу оба духовидца. Рамакришна: маленький черноволосый человек, с небольшой бородой и сияющими глазами, удлиненными, темными, слегка косыми, которые никогда не бывают совсем открыты, но от этого еще лучше видят, вовне и внутри, с белыми зубами, полуоткрытым ртом и чарующей улыбкой, приветливой и лукавой. Среднего роста, очень худощавый и удивительно хрупкий, с темпераментом в высшей степени нервным, сверхчувствительным к малейшему дуновению радости или боли, душевной и физической, - живое отражение всего, что проходит перед зеркалом его двойного, внутреннего и внешнего зора. Он наделен редкостным даром воплощения, позволяющим ему проникать в каждое существо мгновенно, не теряя при этом своей собственной позиции, неподвижной точки в центре бесконечного движения.

До того как начать бродячую жизнь, Тотапури был главой монастыря в Пенджабе и руководил семьями монахов. Он прекрасно владел методами суровой дисциплины, которые лепят, как мягкую глину, тело и дух человека. Ему не приходило в голову, что есть вещи, которые могут сломить непреклонную волю, будь то страсть, случай, мучения плоти или магическая сила божественной иллюзии, производящая Ури в человеческой жизни... Ибо для него *Майя* была

просто ничто, пустота, ложь, которую достаточно было раскрыть, чтобы избавиться от нее навсегда. Для Рамакришны же *Майя* тоже была Богом, так как Бог есть все, - она была лицом *Брахмана*. Достигнув вершины после бурного восхождения, Рамакришна не забыл ничего - ни смертельной тоски, ни порывов, ни случайностей головокружительного подъема: мельчайшие картины пути стояли перед его глазами; и он отмечал все это, следуя историческому порядку, в свое время, в своем месте, рисуя чудесную панораму вершин. А что же мог запечатлеть в своей памяти «нагой человек»? Его память была так же обнажена, как сам он, лишена эмоций и любви. «Мозг из порфира», как говорил некий итальянец о величайшем умбрийском художнике. Надо было, чтобы эту мраморную доску исцарапали когти плодотворной боли. Так и случилось.

Великий интеллектуал не понимал, что любовь может быть путем, ведущим к Богу. Он отвергал опыт Рамакришны. Он презирал громкие молитвы, внешние проявления благочестия, музыку, пение, религиозные танцы. Когда Рамакришна на исходе дня затягивал свою мелодию, монотонно выкликая имена Господа и хлопая в ладоши, тот с язвительной усмешкой спрашивал:

- Ты это что, лепешки готовишь?

Но уже помимо воли он поддавался чарам: некоторые напевы товарища трогали его, вызывали на глазах слезы, которые он старательно скрывал.

Климат Бенгалии, вкрадчивый, нервирующий, действовал и на уроженца Пенджаба, который не хотел с этим считаться. Его чуть ослабленная воля утратила контроль над движениями, чувствами. Самый твердый рассудок подвержен противоречиям, которых он сам не замечал. У этого противника была своя слабость; он почитал огонь божественным символом, и возле него всегда горела жаровня. Однажды один из

слуг подошел, чтобы взять из нее уголек. Тоттапури был возмущен таким непочтением; Рамакришна засмеялся, как он один умел, своим детским радостным смехом.

- Вот видите, - воскликнул он, - видите на себе действие неотразимой *Майи*

Тоттапури растерялся. Значит, и он, он тоже, неведомо для самого себя подпал под иго иллюзии?.. К тому же и болезнь не замедлила указать ему границы возможностей горделивого разума. Еще ни разу в жизни он с ней не встречался. После нескольких месяцев жизни в Бенгалии у него начались приступы дизентерии. Ему следовало уехать. Но это значило бы бежать от болезни и страданий. Он заупрямился: «Я не уступлю телу»... Болезнь усиливалась, и разуму не удавалось больше отвлечься от нее.

Тоттапури пришлось подвергнуться лечению, но без пользы. Боли росли с каждым днем, как тень, постепенно поглощающая дневной свет. Они сделались столь невыносимыми, что аскет потерял возможность сосредоточивать свои мысли на *Брахмане*. Преисполнившись гневом против своего тленного тела, он пошел к Ганге с намерением освободиться от него. Но тут его остановила невидимая рука. Уже войдя в реку, он вдруг лишился воли, утратил желание топиться... Он вернулся, поверженный во прах. Он испытал на себе могущество *Майи*. Она была здесь, повсюду, в жизни, в смерти, в страдании, везде она - божественная Мать. Всю ночь провел он один, в мыслях о ней. А к утру он стал новым человеком. Он признал перед Рамакришной, что *Брахман* и *Шакти* (Мать) - эманация божественной энергии, как излучение *Брахмана* - одно и то же. И божественная Мать, смягчившись, избавила его от болезни. Он простился со своим учеником, ставшим его учителем, и ушел просветленный.

Впоследствии Рамакришна в следующих словах резюмировал двойной опыт, проделанный после него «нагим человеком».

- Когда я мыслю верховное существо бездеятельным, не созидающим, не сохраняющим, не разрушающим, я называю его *Брахманом* - Богом безличным. Когда я мыслю его деятельным, созидающим, сохраняющим, разрушающим, я называю его *Шакти*, или *Майя*, или *Пракрити* - личным Богом. Но в сущности никакой разницы между ними не существует. Безличное и личное - это одно и то же. Как молоко и его белизна. Алмаз и его блеск. Змея и ее пресмыкание. Нельзя мыслить одно без другого. Божественная Мать и *Брахман* - одно. Беседуя с Нареном Вивеканандой и Махендрой Нат Гуптой по поводу теории Шанкары, Рамакришна утверждал:

Кали - это то, что вы называете *Брахманом*. *Кали* есть первоначальная энергия (*Шакти*). Когда она бездеятельна, мы называем ее *Брахманом*. Но когда она проявляет себя в созидающей, сохраняющей, разрушающей деятельности, мы называем ее *Шакти* или *Кали*. Тот, кого вы называете *Брахман*, тому я даю имя *Кали*. *Брахман* и *Кали* несколько не отличны друг от друга, так же - как огонь не отличен от горения. Когда думаешь об одном, нельзя не думать о другом. Принять *Кали* - значит принять и *Брахмана*. Принять *Брахмана* - значит принять и *Кали*. *Брахман* и его власть тождественны. Это то, что я называю *Шакти* или *Кали*.

Уход Тотатури относится к концу 1865 года. Возможно, именно он дал сыну Кудирама Чаттерджи получившее теперь известность имя Рамакришны, после того как приобщил его к *самйасе* - подавлению ментального смятения.

5. Торжество с Абсолютом

Идея Абсолюта для философов Индии не была новой. Она давно уже питала мысль Индии. Она была объектом бесконечных споров между двумя большими школами последователей Веданты - школой Шанкары, чистой школой Адвайты, и школой Рамануджи. Первая, абсолютно недualiстическая, признает вселенную нереальной, считая единственно реальным лишь Абсолют; вторая, относительно недualiстическая, тоже считает *Брахмана* единственной реальностью, но признает мир видимостей, индивидуальную душу видоизменением этой реальности, не иллюзорным, а вытекающим из таких атрибутов *Брахмана*, как Мысль, Энергия, эта сеятельница живого многообразия.

Обе школы терпимо относились друг к другу, причем более крайняя с некоторой презрительной снисходительностью рассматривала другую как компромисс, как нечто переходное, вызванное к жизни человеческой слабостью, как костыль, могущий помочь ей в ее колеблющемся восхождении. Критическим пунктом оставалось определение иллюзии, мира «феноменов», сущности *Майи*. Какова она, относительна или абсолютна? Сам Шанкара не давал ей точного определения. Он говорил только, что она есть, и целью философии *Адвайты* является полное уничтожение *Майи*, в то время как адвайтисты умеренные («отклонившиеся»), как, например, Рамануджа, старались некоторым образом использовать ее в целях усовершенствования индивидуальной души.

Дадим хотя бы общее понятие о двух главных направлениях метафизики Веданты.

Шанкара - величайший философ Индии - жил во второй половине VIII века нашей эры. Он был первым, и притом гениальным, представителем ведической доктрины, объявившим войну доктрине буддийской, от которой в известной степени сам был несвободен. Он проповедовал абсолютный монизм, единственную Реальность **Брахмана**, «бесподобного» (**Адвайта**), единую Субстанцию - единую причину, если ее можно так назвать, ибо ее так называемые следствия - видимый мир и индивидуальные души - есть лишь совокупность иллюзорных, феноменальных изменений.

Бесполезно стремиться, как учат буддисты, к постепенному завоеванию Абсолюта, ибо всякое движение индивидуального разума равно нулю. Завеса, за которой скрывается ослепительное единое, может и должна упасть сразу. Как ни ужасна эта бездна Единого, в которой исчезает весь мир, ее притягательная сила для индусской мысли была безмерна. Она существует и по сей час, не претерпев никаких изменений. Это доказывает, что она есть эманация самой индусской мысли. Шанкара был ее подлинным выразителем.

Но только избранные умы могли полностью постичь этот рожденный Гималаями идеал безличного Абсолюта. Индивидуальная душа не замедлила предъявить права на реальность своего существования. После безраздельного триумфа в IX и X веках учения Шанкары знамя религиозного бунта было поднято в XI веке в Тамиле и, распространившись на Кашмир, перекинулось в Южную Индию, где нашло своего бесспорного вождя в лице Рамануджи, первосвященника (или святого **Альвара**), который занимал патриарший престол в Шрирангаме, в Трихинополи (XIII век). Не порывая с монизмом Шанкары, он вновь включил в него человечество. Основанием его учения были великие слова Кришны из Бхагавад-гиты:

«Так же, как Мой слуга не может жить без Меня, Его высшей цели, так и Я не могу жить без него. Значит, поистине он связан со Мной».

Это означает утверждение того, что если Бог тождествен с каждой индивидуальной душой, которая есть лишь его проявление, то эти проявления так же реальны и необходимы Богу, как Бог необходим для них. Это утверждение вместе с тем положило основание знаменитому методу **бхакти** - непрерывному любовному диалогу между душой и Богом, которым в течение многих веков упивалась Индия.

Какое место, в сущности, занимал между этими двумя школами Рамакришна?

Гибкость, пластичность его природы склоняют его, пожалуй, к примирительной позиции Рамануджи. С другой стороны, страстность его веры заставляет его принять самую крайнюю концепцию Абсолюта. Благодаря своей гениальной интуиции он находит самые меткие выражения, самые остроумные притчи, чтобы пояснить, что невозможно не только выразить понятие Абсолюта, но даже приблизиться к пониманию его. Он дает нам почти физическое ощущение этого «оторванного от всего» существа, этого солнца, о котором Шанкара говорил (отвечая на возражение, что чистый познающий Абсолют невозможен без объектов его познания), что «солнце сияло бы, даже если бы оно ничего не озаряло». Но насколько ярче выражения, употребляемые Рамакришной, обладающим слишком острым зрением, чтобы не описывать, Даже когда он их отрицает, эти озаряемые объекты!

О своем Солнце он говорит, что оно одинаково изливает свет на добро и зло, что оно подобно свету лампы, при котором один может читать священное Писание, а другой - подделывать чужую подпись. Что оно, как гора из сахара, которую муравьи хвалятся Унести, в то время как они отгрызли от нее всего Несколько крошек и уже насытились. Что оно, как

море, к краю которого наклонилась кукла из соли с намерением измерить его глубину: как только она опустит в него ногу, она уже пропала, растаяла, исчезла.. «Существо, оторванное от всего», - значит, мы его не можем удержать, оно ускользает от нас, но это ведь не значит, что сами мы не существуем. Если оно освещает наши усилия, наше неведение, нашу мудрость, наши добрые дела и преступления; если мы грызем его кору; если существует между нами некая точка соприкосновения, когда оно берет нас в свой огромный рот и проглатывает, - то где же до этого момента движется соляная кукла, ползают муравьи? А тот, кто трудится под лампой, - поддельватель или святой отшельник, - где же помещается скамья, на которой он сидит, книга, которую он читает, и самый свет его глаз?

Здесь имеется в виду притча о соляной кукле, рассказанная Рамакришной:

Жила-была кукла, сделанная из соли. Однажды она сошла к морю с намерением измерить его глубину. Она держала в руке морской лот. Подойдя к берегу, она предалась созерцанию могучего океана. До этого момента она продолжала оставаться соляной куклой. Но лишь только она сделала один шаг вперед и поставила ногу в воду, как слилась в одно с океаном и исчезла в нем... Соль, из которой она была сделана, возникла из океана, и вот она возвратилась в океан... Соляная кукла не может вернуться к нам, чтобы рассказать о глубине океана.

Рамакришна нам говорит, что даже священные книги все более или менее загрязнены, как отбросы пищи, ибо написанное в них прошло сквозь человеческие уста. Но сама грязь - а она предполагает чистоту *Брахмана* - реальна ли она? Где эти губы, где зубы, разжевавшие несколько крупинок божественной пищи?

Должно же отдельное где-то существовать, раз оно «оторвано» от нераздельного и раз «скреп», то есть «соединение Отдельного с Нераздельным», и есть в конечном счете, как говорит Рамакришна, истинный предмет учения Веданты.

И действительно, Рамакришна признает два различных способа, два плана видения: видение под знаком *Майи*, придающее реальность миру отделенному, и сверхвидение при совершенном созерцании (*самадхи*), которое при одном приближении к Абсолюту заставляя мгновенно рассеяться ирреальный мир всех отдельных «я».

Но, уточняет Рамакришна, абсурдно утверждать, что мир нереален, поскольку мы составляем часть его и, сохраняя наше «я», выносим непоколебимое убеждение (хотя бы и затемненное при нашем тусклом свете) в его реальности. Даже святой, пробуждающийся от *самадхи* к обыденной жизни, принужден снова вернуться к оболочке своего «отдельного я», правда смягченного и очищенного. Он снова отброшен в мир относительного. Поскольку его «я» для него относительно реально, мир для него тоже реален, а абсолютное, наоборот, для него относительно нереально. Он воспринимает *Майю* как реальность; но благодаря его очищенному «я» он видит теперь в мире феноменов совокупность проявлений Абсолюта для наших чувств. И перед ним встает истинный лик *Майи*: она в одно и то же время истина и ложь, знание и неведение, видья и авидья, то, что ведет к Богу, и то, что не ведет к нему. Значит, она есть.

Его утверждение приобретает значение свидетельского показания, он - апостол Фома, видевший и осязавший, - когда он говорит о *вигьяне*, о сверхвидящих (к которым он Сам принадлежит), получивших привилегию в этой жизни «осуществить» Бога личного и безличного. Они видели Бога и внутри, и вне всего. Он явился им. Личность Бога сказала им:

«Я есть Абсолют. Я положил начало «отдельному». Они проникли в самую сущность божественной Энергии, в сияние Абсолюта, в самый принцип деления *Атмана* и вселенной - на то, что есть в Боге абсолютном и что есть в Майе. Нет, Майя, Шакти, Праkritи, Природа - не есть иллюзия. Она, в глазах просветленного «я», есть проявление высшего *Аммана*, великого сеятеля человеческих душ и вселенной.

Отныне все становится ясным. И духовидец, вернувшийся из огненной бездны *Брахмана*, находит на берегу, к своей великой радости, божественную Мать, свою возлюбленную. И он смотрит на нее теперь новыми глазами, так как ему открыт ее глубокий смысл, ее тождество с Абсолютом. Она есть Абсолют, входящий в соприкосновение с людьми, безличное, которое становится человеком - становится женщиной. Она - начало всех воплощений. Божественная посредница между бесконечным и конечным.

В Индии Личность Бога часто понимается как начало женское: Праkritи, Шакти. Сравните с ролью сына в христианской мистике:

«Сияние моей славы, возлюбленный сын» (это говорит Бог).

«Сын, в твоём лице невидимое зримо».

«Видимым становится то, что я есть божество, и твоей рукой я исполняю мою волю».

Брахман Рамакришны, будучи абсолютным, не проявляющимся, не может действовать, он только хочет. Демиургом, Богом творящим, Богом действенным в христианстве является Сын (как у Рамакришны - Мать). Сын - это слово, он говорит, движется, проявляет себя. Бог же абсолютный - невидим. Он неосязаем и непостижим. Он недвижим и однако ж вездесущ: ибо он все.

И Рамакришна возносит хвалу Святой Матери:

«Да, моя Пресвятая Мать не что иное, как Абсолют. Она одновременно едина и множественна,

выше единства и множественности. Моя Пресвятая Мать говорит: Я - Мать Вселенной, я - *Брахман Веданты* и *Атман Упанишад...* Это я - *Брахман*, положивший начало отдельному. Добрые и дурные дела мне послушны. Существует, конечно, закон Кармы. Но я - его законодатель. От меня зависит создание законов и их изменение. Я повелеваю *кармой* - хорошим и дурным... Придите ко мне. Путем любви (*бхакти*) или познания (*гьяны*), или путем действия (*кармы*), ведущим к Богу. И я поведу вас сквозь этот мир, океан всех тварей... И я дам вам также познание Абсолюта, если вы пожелаете... Вы не можете освободиться от своего «я» и от меня. Даже те, кто в экстазе постиг абсолютное, возвращаются ко мне по моему желанию...».

«Моя Пресвятая Мать есть первоначальная божественная Энергия - Она вездесуща. Она одновременно и внутри и вне явлений. Она породила мир. И мир носит ее в своем сердце. Она - паук и мир - паутина, сплетенная ею. Паук извлекает паутину из своей сущности, а затем обвивает себя ею. Моя Мать одновременно и содержимое, и содержащее. Она - и скорлупа, и ядро...»

Этот пламенный символ веры своими элементами восходит к старинным источникам Индии - ни Рамакришна, ни его последователи никогда не приязнали на новизну мыслей. Не в этом заключается гений учителя: он воскрешает мысли божества, скованные летаргией, и дает им воплощение; он пробуждает источники «спящего царства» и окрашивает их своей горячей, своей магической индивидуальностью. Наоборот, у них заметна тенденция отрицать се даже тогда, когда они творят нечто новое. Это особенность религиозных умов современной Индии - Или, вернее сказать, всех стран и всех времен. Они сильны уверенностью в том, что их истина освящена временем, что она - древняя истина, - сама Истина

с большой буквы. Поклонение Абсолюту уживается с горячей любовью к *Майе*. Великий борец Вивекананда будет биться в сетях *Майи*, стараясь их разорвать; он с ней постоянно воюет. Это состояние Рамакришне незнакомо. Он ни с кем не ведет войны. Он нежно любит своего противника. И никто не может устоять против его очарования. Враг его любит. *Майя* обвиняет его руками. Они сближают уста. Цирцея, обольщающая человеческое стадо, для него становится Ариадной, ведущей Тезея по извилинам лабиринта. Всемогущая иллюзия, застилающая пеленой взор сокола, делает глаза Рамакришны более зоркими.

От ее толчка он высоко взлетает и парит в воздушных пространствах. *Майя* - это Мать, которая является детям под разными оболочками прекрасного и в разных божественных воплощениях. Или же «старшая сестра». Так как в другом месте Рамакришна говорит Кешабу: «*Майя* создана божественной Матерью как часть вселенной. Мать играет миром. Мир - ее игрушка. Она запускает воздушного змея души, связанного к веревке иллюзии».

«Своей любовью, огнем своей души (*бхакти*) она так хорошо растворяет оболочку отдельных «я», что от них остается одна длина без объема, одна линия, точка, которая вот-вот готова исчезнуть под ее усердными пальцами, рассеяться в океане *Брахмана*».

Да будут же благословенны пальцы и вода океана! Благословенны лицо и покрывало. Все есть Бог. Бог во всем. Он в тени и в свете, Гюго сказал, как-то: «Солнце есть уже тень Бога». Рамакришна же сказал бы, что «тень есть уже Его свет».

Что придает его мысли аромат жизни - это свойство каждого истинного мыслителя Индии верит лишь в то, что он сам претворил, прочувствовал все своим существом. Выражение «постигнуть мысль приобретает здесь свое полное материализованно

значение. Верить - значит объять и от объятия сохранить плод, который созреет...

Если уже Рамакришна познает объятия такой истины, она не останется в нем в виде мысли, она претворится в жизнь, даст жизненные ростки и, оплодотворенная его *credo*, превратится в цветущий и плодоносный сад претворений, не абстрактных и далеких, а точных, конкретных, обычных в повседневной жизни, способных утолить голод людей. Вкусив однажды от этого божественного тела, составляющего самую субстанцию вселенной, он теперь находит его - неизменно - за всеми столами всех религий. И он делится пищей бессмертия на вечере не двенадцати апостолов, а всех алчущих душ - всей вселенной.

После отъезда Тотпури (к концу 1865 года) Рамакришна оставался еще более полугодом в заколдованном огненном круге. Он продолжал, напрягая все свои силы, стремиться к тождеству с Абсолютом. В течение шести месяцев, по его утверждению, он находился в каталептическом состоянии экстаза, в каком пребывали, судя по описаниям, древние факиры: тело, покинутое духом, было, точно заброшенный дом, предоставлено разрушительным силам. Если бы не племянник, бодрствовавший над этим телом без хозяина и насильно кормивший его, Рамакришна бы умер. Какой-то прохожий монах, заметив, что он умирает, ударами вернул Рамакришне готовую покинуть его жизнь. Дальше некуда идти по пути экстатического слияния с «Не имеющим образа» - это действительно высшая точка того длинного пути йогического аскетизма.

Его ученик Шарадананда, самый сведущий в индусской метафизике и лучше всех других его учеников изучивший интеллектуальный механизм своего Учителя, описывает этот шестимесячный экстаз (*нирвикальпа-самадхи*) как состояние, при котором сознание его «я» исчезло окончательно и только изредка

возвращалось, как легкое облачко, слегка затуманивавшее полное осуществление.

Впоследствии Рамакришна сам признал, что он искушал Бога и что он чудом вернулся обратно. Он ни за что не предложил бы ни одному из учеников проделать подобный опыт; он запретил его даже своему любимому ученику Нарену, как своего рода блаженство, недозволенное благородным душам, долг которых - жертвовать своим счастьем для блага других. Когда молодой Нарен, кого впоследствии стали называть Вивеканандой, настойчиво, страстно умолял его открыть ему *нирвикальпа-самадхи*, страшную дверь, ведущую в бездну Абсолюта, Рамакришна отказал ему с великим гневом - он, который никогда не сердился и не позволял себе резкого слова по адресу своего любимого сына:

- Стыдись! - воскликнул он. - Я думал, что ты будешь огромным баньяном, который может укрыть тысячи страждущих душ... А вместо того ты ищешь собственное благо, ты эгоист. Брось эти пустяки, дитя мое! Как можешь ты удовлетвориться таким узким (буквально: имеющим одну сторону) идеалом. Надо иметь много сторон. Радуйся Господу во всех его формах (это значит: «в сознании и в действии»). Переведи самое высокое Познание в самое высокое Служение людям.

И Нарен извошел слезами, униженный, принужденный отказаться от своего желания. Но он признал справедливой волю учителя; и нося в своем сердце тоску по божественной бездне, он, скромный, твердый и самоотверженный, всю свою жизнь посвятил служению людям.

Значит, в течение этого долгого спуска в *самадхи* Рамакришна достиг «уразумения» своей божественной миссии, должно быть, не сразу, не в один день, но постепенно. Именно - в первой половине 1866 года.

Более того, он удерживает от этого испытания и обыкновенных людей, у которых русло жизни нешироко и которых такой поток потопил бы, на гибель им самим и всем их окружающим. Способ, которым он излечил своего молодого племянника, верного и прозаического Хридаи, и своего богатого покровителя Матура Бабу от их поползновения вкусить запрещенных плодов экстаза, по юмору и здравому смыслу достоин Сервантеса в отношении к своему Санчо Панса.

Хридаи, славный малый, очень преданный, но невысокого полета, захотел извлечь некоторую выгоду из славы своего дяди; бескорыстие Рамакришны выводило его из себя. Ему захотелось хоть для себя, на правах родственника, использовать духовные преимущества дяди. Напрасно Рамакришна удерживал его от экстатических исканий. Хридаи упорствовал, и ему удалось довести себя до полного расстройств. Он корчился в судорогах, громко вопил. «О Мать, - сказал Рамакришна, - притупи чувства этого идиота». Хридаи, упав с неба на землю, разразился упреками: «Что вы сделали, дядя, вы лишили меня этих несказанных радостей». Тогда Рамакришна, лукаво улыбаясь, предоставил ему действовать по своему усмотрению. Но когда Хридаи довел себя до мучительных видений, он взмолился к дяде, прося скорее избавить его от них.

Такая же история произошла с богатым господином Матуром Бабу. Тот старался изо всех сил, чтобы Рамакришна помог ему достигнуть *самадхи*. После долгих отказов Рамакришна, наконец, сказал: «Будь по-твоему, друг мой». Но вслед за столь желанным *самадхи* Матур Бабу потерял всякую охоту заниматься делами. Он получил больше, чем ожидал; обеспокоившись, он не выдержал и стал умолять Рамакришну навсегда избавить его от экстазов. Тот посмеялся и излечил его.

Надо полагать, что Рамакришна в этот период еще не окончил своих «Годов обучения». Жизненный опыт он изучал не как мы (лишь частично), пользуясь общими знаниями, но на свой собственный страх и риск.

Если он уцелел после описанного выше опыта, то это не его заслуга и не его воля. Мать, как он сам утверждает, вернула его к долгу человека при помощи телесного страдания. Жестокая дизентерия, терзавшая его шесть месяцев, постепенно вырвала его из состояния *нирвикальпа-самадхи*.

Наряду с физической и душевная боль привязывала его к земле. Один знавший его монах говорил, что в первые дни после пробуждения от экстаза, увидев двух злобно ссорившихся лодочников, Рамакришна закричал от боли. Он сливался со всеми мирскими страданиями, даже нечистыми, даже смертоносными.

Его душа была изъедена болью.

Но он знал теперь, что все различия, которые, заставляют людей сталкиваться, - все они дети одной Матери, что Всемогушее разделение есть само лицо Бога. Что любить Бога надо во всем разнообразии созданных им людей, часто противоречащих и враждебных друг другу, во всех формах мысли, которые управляют их существованиями и часто губят их, - и прежде всего, что надо любить людей со всеми их богами.

Он понял вдруг, что все религии различными путями ведут к одному и тому же Богу, и тотчас же решил исследовать все эти пути. Для него «понять» - значило «быть и действовать».

6. Возвращение к людям

Первый исследованный им путь был путь Ислама, он вступил на него, едва успев оправиться после болезни (конец 1866 г.).

Храм, в котором он служил, часто видел в своих стенах мусульманских факиров. Хозяйка Дакшинешвара,

Рани Расмани, разбогатевшая простолюдинка с широкой душой, преисполненной горячей веры, пожелала, чтобы при храме было помещение для ночлега случайных гостей других верований. Рамакришна заметил однажды среди молящихся скромного мусульманина, Говинда Раи, поглощенного своей молитвой, и сквозь оболочку распростертого тела увидел, что этот человек путем Ислама тоже познал Бога. Он попросил мусульманина посвятить его в свою веру. Жрец Кали на много дней совершенно забыл своих Богов. Он перестал им поклоняться, перестал даже думать о них: он жил вне храма, повторял имя Аллаха, одевался на манер магометанина, готов был даже (о святотатство!) вкусить запрещенную пищу, мясо священного животного - коровы. Его хозяин и покровитель Матур Бабу в ужасе умолял его отказаться от этого шага и потихоньку поручил одному *брахману* готовить ему под руководством мусульманина пищу, чтобы предохранить его от скверны. Эта способность целиком отдавать себя чужому строю идей имела результатом, как всякое духовное движение этого страстного художника, материализацию идеи: ему явился сияющий образ человека со строгим ликом, с длинной бородой (должно быть, таким он представлял себе пророка?), который приблизил-

ся к нему и влился в него. Рамакришна осуществил мусульманского Бога «*Брахмана* с атрибутами». От него он далее перешел к «*Брахману* без атрибутов»; река Ислама привела его к Океану.

Впоследствии толкователи его учения объясняли этот опыт, последовавший непосредственно за его великим слиянием с Абсолютом, в том смысле, очень важном для Индии, что мусульмане и индусы, эти братья-противники, смогут объединиться только на почве Адвайты, Бога без образа, в честь которого миссия «Рамакришна» позднее построила в глубине Гималаев святилище - краеугольный камень огромного и сложного здания всех религий.

Семь лет спустя подобного же рода опыт помог Рамакришне «реализовать» христианское учение. Приблизительно в ноябре 1874 года некто Малик, индус из Калькутты, владевший садом в Дакшинешваре, прочитал ему Библию. Рамакришна впервые встретился с Христом. Вскоре после того божественное слово претворилось в плоть. Жизнь Христа тайно проникла в него. Однажды, сидя в маленькой гостиной своего приятеля, богатого индуса, он увидел на стене изображение Мадонны с младенцем. Фигуры ожили. Развернулась обычная сцена в неизменном порядке: святые видения приблизились, влились в него. И все его существо прониклось ими. На этот раз наводнение было гораздо сильнее, чем наводнение Ислама.

Оно затопило всю его душу. Никакая плотина не могла удержать его. Все индусские идеи были унесены. Рамакришна в ужасе бился в бушующих волнах, он кричал:

- О Мать! Что ты делаешь? Помоги мне!

Напрасно. Бурный прилив затопил все. Душа индуса изменилась. В ней не было места ни для чего, кроме Христа. В течение многих дней ею владела только христианская мысль, только христианская любовь. О

том, чтобы пойти в храм, не было и речи... Однажды днем в рощице Дакшинешвара он увидел человека с большими прекрасными глазами, с ясным взглядом и светлым лицом; он был очарован, не знал, кто бы это мог быть. Незнакомец приблизился. В душе Рамакришны запел голос:

«Вот Христос, проливший кровь своего сердца для искупления людей, вот тот, кто испил море страданий из любви к людям. Это он, Учитель йогов, вечный союзник Бога. Это Иисус, воплощенная любовь».

Сын человеческий поцеловал индийского духовидца, сына Матери, и растворился в нем. И Рамакришна погрузился в экстаз. Еще раз осуществилось слияние с *Брахманом*. Потом постепенно он вернулся в нормальное состояние. С того времени он сохранял веру в божественность Иисуса Христа, считая его воплощением Господа.

Но не единственным: Будда, Кришна были для него тоже воплощениями Бога.

Он мало знал, это верно. Он был *бхактой*, верующим через любовь. Он не притязал на науку *гьяни*, людей, верующих через познание. Но разве каждая из двух стрел, когда лук натянут твердой рукой, не попадает в одну и ту же цель? И для того, кто идет до конца, разве не сливаются в одну две разные дороги? Великий ученик Рамакришны, интеллектуал Вивекананда, говорил о нем:

«Он был *бхактой* вовне и *гьяни* внутри». Вивекананда же добавлял: «А я - как раз наоборот».

Рамакришна чтит многих святых людей, как, например, *тиртанкаров*, основателей джайнизма, десять *гурунов сикхов*, но не считал их воплощениями. Позже у него, в его доме, между божественными картинами находилось и изображение Христа, перед которым день и ночь курились благовония. Многие индусы-христиане

видели в нем сияние Христа и, случалось, впадали перед ним в экстатическое состояние.

И уж во всяком случае, не христианам отвергать могущество любви, превратившей скромных галилейских рыбаков в любимых учеников их Бога и в основателей его церкви. И кому было дано первому увидеть воскресение, как не раскаявшейся грешнице, не имевшей других прав на это, кроме слез любви, которыми она омыла ноги Христа, вытирая их своими волосами.

Вообще говоря, знание человека не измеряется количеством прочитанных им книг. В стране Рамакришны, как и в древние времена, лучшее, что есть в культуре, передается устно. Благодаря беседам с тысячами садху, монахов, паломников, пандитов, со всякими людьми, интересующимися религиозными вопросами, Рамакришна в течение своей жизни приобрел глубокое энциклопедическое знание религий и религиозных философий, постоянно углубляемое его размышлениями.

Однажды ученики, удивленные его познаниями, спросили его:

- Как вы могли изучить всю науку прошлого?
Рамакришна ответил:

- Я не читал, я слушал ученых, я сплел из их знаний венки вокруг моего сердца и положил его к ногам Матери. Он говорил своим ученикам:

- Я исповедовал все религии: индуизм, ислам, христианство и следовал по пути различных направлений индуизма. И я нашел, что все они различными дорогами приближаются к одному и тому же Богу... И вам следует приобщиться ко всем этим верованиям и пройти по этим путям. Я вижу, что все люди враждуют во имя религии: индусы, магометане, христиане, вайшнавцы и т. д. И они не понимают, что тот, кого зовут Кришна, зовется также Шивой, Аллахом, Иеговой. Единый Рама, обладающий тысячьмя имен.

«К резервуару ведут несколько лестниц. С одной лестницы черпают кувшинами воду индусы и называют ее джал; с другой черпают воду мусульмане кожаными мехами и называют ее пани; с третьей - христиане, которые называют ее вода. Станем ли мы утверждать, что эта вода есть не джал и не пани? Это просто смешно... Сущность одна, она только носит разные имена. И все ищут одну и ту же Сущность, меняются только климат, темперамент и имя...

Пусть каждый следует своей дорогой. Если он искренне, страстно желает познать Бога, пусть не тревожится. Он достигнет его...».

7. На берегу океана

Период, следующий за 1867 годом, не добавляет ничего существенного к внутренней сокровищнице Рамакришны; в этот период он занят усвоением добытого. Его откровения приходят в контакт с внешним миром; его духовные победы сталкиваются с другого рода победами, одержанными в иных областях. Чувствуя благодаря этому истинную цену ниспосланного ему дара, он проникается сознанием своей миссии среди людей, своего действенного долга.

Он, как «бедный» Франциск Ассизский, с которым у него так много общих моральных и физических черт, был нежным братом всего, что живет и умирает. Слишком лакомым казалось ему молоко человеческой привязанности для того, чтобы он мог довольствоваться ни с кем не разделенным счастьем. На пороге глубочайших своих экстазов он умолял влекшую его к себе мать:

- О Мать, оставь меня в общении с людьми. Не делай из меня сурового аскета.

И Мать, выбрасывая его со дна Океана на берег жизни, говорила ему (он слышал в полусознании ее голос):

- Оставайся на пороге относительного познания из любви к человечеству.

Итак, он вернулся к людям. Прежде всего он омылся влагой горячей и простой человеческой жизни. В мае 1867 года, еще ослабленный предшествующими кризисами, он поехал на шесть-семь месяцев отдохнуть на родину, в местечко Камарпукур, где он не был целых восемь лет. Его сопровождала Бхайрави

Брахмани, которая во время путешествия проявила себя с не совсем хорошей стороны. Характер этой возвышенной женщины во многом уступал ее уму, а постоянное размышление не возвысило ее над человеческими слабостями. Преподав Рамакришне знание и раскрыв его самому себе, она вообразила, что имеет на него права собственности. Влияние, приобретенное над ним Тотапури, причиняло ей страдание. А здесь ей невыносимо было видеть его поглощенным атмосферой родной обстановки, захваченным бесцеремонной любовью земляков, среди которых она чувствовала себя чужой. А главное - присутствие молодой жены, несмотря на ее кротость и скромность, вызывало в ней досаду, которую, при всем ее уме, ей не удавалось скрыть. После ряда бурных сцен, не делавших ее более привлекательной, она, осознав свою ошибку, просила у Рамакришны прощения и затем рассталась с ним навсегда.

Ему довелось встретить ее еще раз в следующем году, в Бенаресе, куда она удалилась, чтобы посвятить остаток своей жизни суровому исканию истины. Вскоре после этого она умерла.

Он отдался с детской радостью бесхитростной дружбе простых поселян, которые счастливы были видеть Гададхара, чья необычайная слава дошла до них и внушала им некоторое беспокойство. И эти простые крестьяне в своей наивности были ближе к его чаяниям и стремлениям, чем благочестивые ученые в городах и храмах.

Он впервые за время своего пребывания на родине узнал свою жену-ребенка.

Шарададеви было теперь четырнадцать лет. Она жила у своих родителей, но явилась в Камарпукур, когда узнала о его приезде. Юная супруга с чистой Душой, с развитым не по возрасту умом, почти сейчас же поняла призвание своего мужа и лежащий на ней долг набожной привязанности и бескорыстной

нежности. Она признала в нем руководителя и отдала себя на служение ему.

Некоторые упрекали Рамакришну, и порой в довольно грубой форме, за то, что он принес ее в жертву. По ней этого не было видно; всю жизнь она изливала на всех окружающих сияние своего внутреннего мира и ясности. Но вот что никем не упоминалось и открылось только благодаря Вивекананде: Рамакришна, отличавшийся высоким сознанием своей ответственности, предложил жене принести ей в жертву, если бы она этого потребовала, самое для него дорогое: свое призвание.

- Я научился, - сказал он ей, - видеть в каждой женщине мою божественную Мать: это единственное чувство, которое я могу к вам питать. Но если вы желаете вовлечь меня в этот мир (мир иллюзии), я к вашим услугам, так как я вступил с вами в брак.

В этом есть нечто совершенно новое, непривычное для индийского мышления, ибо, согласно индуистской традиции, всякий вступивший на религиозное поприще тем самым освобождается от всех иных обязанностей.

Рамакришна, более человечный, признает за женою прочные права на себя.

Она была достаточно великодушна, чтобы отказаться от них, и, наоборот, всячески поощряла мужа идти по избранному им пути. Но, утверждает Вивекананда,

«только получив согласие своей жены», он счел себя вправе жить так, как ему хотелось. И Рамакришна, тронутый ее невинностью и самоотвержением, свято исполнял по отношению к ней долг старшего брата. В те месяцы, когда они были вместе, он терпеливо обучал ее обязанностям усердной супруги и хорошей хозяйки. У него был практический ум, странно сочетавшийся с его мистической натурой. Сын крестьянина, он прошел хорошую школу. Ни одна

подробность, касающаяся домашней жизни и сельского хозяйства, не была ему чужда. Все, знавшие его, отмечали порядок и чистоту, царившие в его доме. В этом отношении бедный божий человек мог бы служить примером для многих своих учеников из интеллигенции и высшей буржуазии.

Возвратившись в Дакшинешвар в конце 1867 года, он в следующие за этим годы предпринял ряд паломничеств вместе со своим покровителем, впоследствии хозяином храма, Матуром Бабу. В первые месяцы 1868 года он увидел город Шивы - Бенарес, и священное слияние Ганги и Ямуны в Аллахабаде, и Вриндаван - этот благоухающий букет легенд, эту песнь песней, жемчужину из пасторалей Кришны. Легко вообразить себе его восторг, его опьянение. При переправе через Гангу открывшийся его взгляду Бенарес, этот «золотой город», показался ему не городом, построенным из камней, но, подобно небесному Иерусалиму, «сгустком божественного духа». На полях сожжения покойников в священном городе он увидел Мать Дургу и Шиву с его белым телом, с его спутанными волосами, улыбающегося, всегда готового прийти на помощь, склоненного над погребальными кострами у изголовья его детей. Встретив на исходе дня у берегов Ямуны стадо с пастухами, он пришел в неопишное волнение и кинулся вперед с криком:

- Кришна! Где Кришна?

Рамакришна не увидел Бога, зато он увидел во время этих путешествий нечто другое, имеющее для людей Запада большее значение и более глубокий смысл - он познакомился с человеческой нуждой. В экстатическом полусне, в котором он жил до этого времени, в золоченой скорлупе святилища, пышные волосы Кали скрывали тяготы людей от его взоров. Прибыв в Деогар со своим богатым спутником, он увидел, что тамошние жители - *санталы* - почти голы,

измучены, умирают от истощения. Он остановил всех сопровождавших его и просил объяснить ему, что это значит. Ужасный голод свирепствовал в стране. Тогда он сказал Матуру Бабу, что надо накормить этих несчастных, вымыть их и одеть. Матур Бабу возразил на это, что его богатств не хватит для облегчения всех нуждающихся мира. Тогда Рамакришна заплакал, сел среди этих голодающих и заявил, что он не двинется с места и разделит их участь. Крезу пришлось исполнить желание своего друга-жреца.

Во время другого путешествия летом 1870 года Матур имел неосторожность привезти его в одно из своих имений во время сбора податей. Два года подряд был неурожай, и арендаторы испытывали крайнюю нужду. Рамакришна велел Матуру вернуть людям подати, оказать им помощь и устроить для них роскошный пир. Матур Бабу ахнул. Но Рамакришна был непоколебим.

- Ты только управитель Матери, - сказал он богатому помещику - Они арендаторы Матери. Потрать ее деньги. Они страдают, а ты не хочешь им помочь. Это необходимо сделать.

Матуру Бабу пришлось уступить.

Воспоминание об этих встречах, должно быть, навсегда осталось в памяти Рамакришны. Свами Шивананда, один из первых его апостолов и его ученик, передал следующую сцену, свидетелем которой он был.

Однажды в Дакшинешваре, находясь в надсознательном состоянии, Рамакришна громко произнес:

- Джива есть Шива (живое существо есть часть Бога). Кто решится говорить о сострадании к нему? Не надо сострадания, надо только служить, служить человеку, видя в нем часть Бога.

Вивекананда присутствовал при этом.

Слыша эти полные глубокого смысла слова, он сказал Шивананде:

- Я слышал сегодня великие слова... Я возведу их живую правду всему миру.

И Свами Шивананда прибавил:

- Кто захочет искать источник добрых дел, творимых с того времени Миссией Рамакришны в Индии, найдет его именно в этих словах.

В это же время ряд смертей оставляет в сердце Рамакришны след жестокой и вместе с тем благотельной боли.

Этот растворившийся в Боге человек, для которого утрата жизни была лишь возвращением к бесконечному блаженству, человек, который при вести о кончине своего молодого племянника и друга радостно смеется и воспекает его освобождение, - на следующий же день после его смерти внезапно чувствует приступ невыразимой муки. Его сердце готово разорваться, дыхание останавливается, он думает:

«О боже, боже. Если мне так тяжело, что же должны испытывать те, кто теряет своих любимых, своих детей?».

В другой раз он сказал: «Бог во всех людях, но не каждый человек в Боге; вот почему они страдают».

И Мать вдохнула в него силу и умение утешать бальзамом своей веры скорбь, причиненную смертью.

«Те, кто его не знал, - писал Свами Шивананда, - не могут себе представить, как много сил и времени этот отрешившийся от земных дел человек отдавал людям, выслушивая их мирские печали и облегчая их. Однажды (в 1883 г.) пришел к нему богатый и важный старик Мани Маллик, только что потерявший сына и совершенно убитый горем. Рамакришна так проникся его печалью, что казалось, будто он оплакивает своего собственного ребенка, и скорбь его превосходила скорбь Маллика. Так прошло некоторое время. И вдруг Рамакришна запел...».

Не элегию и не похоронный напев, он пел героический гимн, песнь победы души над смертью.

«К оружию! К оружию! Человек, смерть вторглась в твой дом и овладела твоим очагом. Садись же на колесницу веры, возьми колчан, полный мудрости. Крепко натяни лук любви и пускай, пускай божественную стрелу, святое имя Матери».

«И я не забуду, - заключает свой рассказ Шивананда, - какое облегчение эта песнь принесла отцу. Она вернула ему мужество, успокоила, принесла ему мир».

Представляя эту сцену, как не вспомнить случай с Бетховеном, когда тот приходит, садится, не говоря ни слова, за рояль и музыкой утешает мать в трауре.

Это божественное общение с человечеством, живым, любящим, страдающим, нашло выражение в символе, полном высокого благочестия и чистой страсти.

Когда в 1872 году его жена Шарададеви в первый раз приехала к нему в Дакшинешвар, Рамакришна, преисполненный нежности к ней и глубокого, почти религиозного уважения, свободного от желанья, от малейшего налета чувственности, признал в ней божество и оказал ей подобающие почести. В одну майскую ночь, сделав все требуемое культом приготовления, он усадил Шарададеви на трон Кали и совершил ритуальный обряд - *Шодаши Пуджа* - тантрическую церемонию поклонения женщине. Оба они впали в экстатическое полусознательное (или сверхсознательное) состояние. Придя в себя, он приветствовал в лице своей подруги святую Мать, которая, по его убеждению, воплотилась в этот живой символ непорочной человечности.

Так постепенно все возвышеннее становилось его понимание Бога - от идеи Бога, который пребывает во всех и всех поглощает, как единое расплавленное солнце, до горячего ощущения всех, пребывающих в Боге, бесчисленного множества маленьких солнц, в каждом из которых живет и действует Бог. Конечно, это та же идея, но перевернутая, взятая не только

сверху вниз, но и снизу вверх и во всех направлениях, точно двойной непрерывный поток, связывающий высшее существо со всеми вообще существами и делающий человека священным.

За два года до смерти (5 апреля 1884 года) он сказал:

- Теперь я сознаю перемену, происшедшую во мне. Давно уже *вайшнав* Чаран сказал мне, что, когда я увижу в человеке присутствие Бога, я достигну совершенного познания. Теперь я вижу, что при всем многообразии форм в них присутствует божественное начало. И благочестивый человек, и лицемер, и преступник есть проявление качеств Божества. Поэтому я говорю: *Нараяна* присутствует в благочестивом человеке, *Нараяна* - в лицемере, *Нараяна* - в преступнике и сластолюбце (*Нараяна* - Личность Бога, пребывающий во всех живых существах).

В то же время он отдавал себе отчет, на основании общения с выдающимися людьми Бенгалии, в недостаточности их мудрости, в огромной пустоте, томящей алчущую душу Индии - Индии, которая ждет его.

Он никогда не уставал при малейшей возможности учиться у религиозных или ученых людей, богатых и бедных, странствующих пилигримов и столпов науки и общества. Чувство самолюбия было чуждо ему: наоборот, он был склонен думать, что все эти «искатели истины» обладают познаниями, которых он лишен, и он жадно подбирал крохи, упавшие с их стола. Поэтому он обращался к ним, где бы они ни находились, не заботясь о том, как он будет принят.

Но его никогда не оставлял свойственный ему дух критики; его удивительная, заостренная наблюдательность, его наивное лукавство, вспыхивающее под полупущенными веками в экстатически расширенных зрачках, находили себе богатую пищу во время его посещений знаменитых представителей современной религиозной мысли.

8. Кешаб и Рамакришна

По понятиям Кешаба, одного из современников Рамакришны, «Христианская Европа поняла лишь половину слов Христа. Она поняла, что Христос и Бог - одно и то же, но не поняла, что Христос и человечество тоже составляют единое целое. Это великое таинство открыло миру не только примирение человека с Богом, но примирение человека с человеком... Азия говорит Европе: «Сестра! Будем едины во Христе... Все, что есть доброго, правдивого и прекрасного, - кротость индусской Азии, правдивость мусульман, милосердие буддистов, все, что свято, - от Христа...».

Насчет принципа единобожия - единственности Бога - Кешаб не допускает сомнений:

«Едина наука. Едина церковь». Его ученик П. Мажумдар приводит повторенные им вслед за Христом с удвоенной силой слова проклятия:

«Есть один путь; нет задней двери, ведущей в небо. А кто выходит не через дверь, тот вор и разбойник».

Это прямая противоположность кроткой смеющейся мудрости Рамакришны.

Когда однажды молодой еще Нарен (Вивекананда) со свойственным ему пылом напал на некоторые религиозные секты, приемы которых вызывали в нем гневное возмущение, Рамакришна с нежностью посмотрел на него и сказал:

«Дитя мое, в каждом доме есть задняя дверь. Почему нельзя войти в дом через нее, если это угодно

кому-нибудь? Но я, конечно, согласен с тобой, что передняя дверь - наилучшая».

Рамакришна учил своего лучшего ученика относиться к жизни с более великодушной и правильной точки зрения - силы и слабости, а не добродетели и греха. Кешаб начинает излагать свой труд «Новое Избавление» как раз в тот год (1875), когда скрестились пути его и Рамакришны, а неудержимый взрыв веры и радости заставили его поведать миру о своем открытии.

Рамакришна был для последователей Кешаба чудесным возбуждающим средством, тем огненным языком, который, по преданию, пляшет в Троицын день над головой апостолов, озаряет и жжет их. Он был для них искренним другом и свидетелем, судившим их. Он, не жалея, дарил им свою любовь и свою язвительную критику.

После первых его посещений Брахмосамаджа его внимательный и насмешливый глаз уловил несколько условный характер благочестия этих превосходных людей. Он сам с большим юмором рассказывает:

- Учитель сказал им: «Войдем в общение с Ним». И я подумал: «Сейчас они погрузятся во внутренний мир и углубятся в него надолго». Но едва прошло несколько минут, как они снова открыли глаза. Я удивился. Как можно найти Его после столь краткого размышления? Когда все было окончено, и мы остались одни, я сказал Кешабу: «Я смотрел на ваших братьев, когда они размышляли с закрытыми глазами. Знаете, что они мне напомнили? Иногда в Дакшине-

шваре я наблюдаю за компанией обезьян, неподвижно сидящих под деревом. Воплощенная невинность... Они размышляют о фруктах, кореньях и других вкусных вещах, которые собираются стащить через несколько минут... Общение с Богом, в которое сегодня вступили ваши ученики, Кешаб, было немногим более серьезно...».

В одном из ритуальных гимнов Брахмосамаджа был следующий стих:

«Думайте о Нем и любите Его во все мгновения дня».

Рамакришна остановил поющего и сказал:

- Измените этот стих и скажите: «Молитесь и любите Его только два раза в день». Говорите то, что есть в действительности. Зачем рассказывать Предвечному всякие небылицы...

«Рамакришна объединил все главные концепции индуистского политеизма в одну оригинальную систему эклектического спиритуализма. Этот спиритуализм навел Кешаба на мысль расширить духовную структуру своего собственного учения. И национальная концепция божественных атрибутов, прекрасная и истинная, явилась ему внезапно, как лучший и вернейший способ сделать свою веру доступной всему народу. Конечно, его основная идея универсального теизма остается неприкосновенной...» Но Мажумдар с сожалением замечает, что этот теизм с добавлением множества божественных атрибутов был впоследствии истолкован в духе идолопоклонства.

Брахмосамадж Кешаба пылал восторгом веры, но в этом восторге было что-то нарочито сдержанное, абстрактное, торжественное, что-то неуловимо англиканское. Чувствовалось, что они постоянно опасались обвинений в идолопоклонстве. Рамакришна любил поддразнить их, играя именно на этой струне, но без особого жара. Однажды, когда Кешаб при нем перечислял в молитве все совершенства Господа, он спросил:

- Для чего вы занимаетесь этой статистикой? Разве сын говорит своему отцу: «О, мой отец! Вы имеете столько-то домов, столько-то садов, столько лошадей и т. д.». Вполне естественно, что отец предоставит в распоряжение сына все свое добро. Если вы будете думать о нем и его дарах как о чем-то необычайном,

вы никогда не будете близки с ним, вы не сможете приблизиться к нему. Не думайте о нем так, будто он где-то далеко от вас, а воспринимайте его как существо близкое к вам. Тогда он откроется вам. Разве вы не видите, что его атрибуты, которыми вы восторгаетесь, делают вас идолопоклонниками?

Кешаб протестует, он задет за живое: он возмущенно кричит, что, напротив, он борется с идолопоклонством, что Бог, чтимый им, есть Бог без образа. Рамакришна отвечает спокойно:

- Бог существует и в образе, и без образа. Изображения и другие символы так же ценны, как ваши атрибуты. А эти атрибуты, не отличающиеся от идолопоклонства, те же образы, только жесткие и застывшие.

А в другой раз он говорит:

- Вы хотите быть узким и пристрастным... А я, я горю желанием любить Господа всеми возможными способами. И однако жажда моей души никогда не бывает утолена. Я бы хотел ему поклоняться, поднося ему цветы и плоды, повторять его святое имя в одиночестве, думать о нем, петь ему гимны, плясать, радуясь моему Господу. Те, кто думает, что Бог не имеет образа, могут постигнуть его не хуже, чем те, которые представляют себе его имеющим образ. Единственное, что необходимо, - это вера в полное отрешение от себя.

Слова Рамакришны были не как у нас, простых смертных, широкой и разукрашенной одеждой, больше скрывающей, чем выявляющей неуловимую внутреннюю жизнь. Он делал эту внутреннюю жизнь осязаемой, и Бога, который для большинства людей (имеется в виду, религиозных людей) есть рама мысли, за которой скрывается недоступное взгляду полотно, «невидимый шедевр», - этого Бога можно было видеть, глядя на человека. Вы видели, как человек,

разговаривая с вами, погружался в него, словно пловец, который нырнул и через минуту снова появился весь мокрый, пропитанный запахом водорослей и соленым вкусом океана. Кто мог укрыться от излучавшихся из него волн божественности? Научный ум Запада подверг бы их химическому анализу, но каковы бы ни были эти элементы, их синтетическая реальность не подлежала сомнению. Наиболее недоверчивые люди могли коснуться пловца, вынырнувшего из бездны мечты, и уловить в его зрачках отблеск подводной флоры. Кешаб и некоторые его ученики, вероятно, были опьянены этим отблеском.

Необходимо прочесть некоторые необычайные диалоги этого Платона Индии, происходившие на яхте Кешаба, плившей по Ганге. Рассказчик, ставший «евангелистом» Рамакришны, сам удивляется возможности встречи между двумя столь различными умами. Что общего могло быть между человеко-Богом и человеком общества, интеллигентом, англоманом Кеша-

бом, разум которого восстает против Богов... Все ученики Кешаба толпятся вокруг обоих мудрецов в каюте яхты, как мухи у отверстия иллюминатора. Но едва с губ Рамакришны начинает течь мед его речей как мухи уже тонут в блаженстве.

Рамакришна с любовным вниманием вглядывается в лица окружающих и дает каждому из них характеристику. Все их черты, глаза прежде всего, но также лоб, нос, зубы, губы, уши говорят языком, к которому он имеет ключ. Он говорит с легким и приятным заиканием. Речь заходит о *Ниракара Брахмане* (Боге без образа).

«Повторяя слово *ниракара*, он спокойно погрузился в *самадхи*, как пловец, скользнувший в глубину моря... Мы жадно наблюдали за ним... его тело вытянулось и слегка окоченело. Не было заметно ни малейшего напряжения нервов или мускулов. Ни

малейшего движения. Обе его руки покоились на коленях, пальцы слегка переплелись. Поза сидящего тела была свободна, но совершенно неподвижна. Немного приподнятое вверх лицо спокойно. Глаза почти, но не совсем, закрыты; глазное яблоко не вывернуто и не скошено, только неподвижно. Из-за полукрытых в блаженной улыбке губ сверкали ослепительно белые зубы. Никакой портрет не мог бы передать невыразимую прелесть этой чудесной улыбки.

Его возвращают на землю пением гимна. ...Он открывает глаза, смотрит вокруг с удивлением. Музыка замолкает. Парамахамса, глядя на нас, спрашивает: «Кто эти люди?». Потом он несколько раз сильно хлопает себя по голове, восклицая: «Спускайся, спускайся...». Придя окончательно в сознание, он начинает петь приятным голосом гимн Богине Кали...».

Он поет о тождестве божественной Матери с Абсолютом, поет об игре с воздушным змеем из человеческих душ, который Мать запускает, держа его на веревке иллюзии.

«...Мир - это игрушка Матери. Она для забавы позволяет одному-двум змеям из тысячи сорваться с веревки иллюзии. Это ее игра. Она говорит избранной ею душе, лукаво подмигивая ей: «Ступай в мир и живи там, пока не получишь от меня дальнейших распоряжений».

И, подражая ей, он обращается к ученикам Кешаба со снисходительной иронией, вызывающей дружный хохот:

- Вы живете в мире? Ну и оставайтесь там. Вам не предназначено покинуть его. Будьте тем, что вы есть: чистым золотом, смешанным с лигатурой, сахаром, смешанным с патокой... Мы играем в игру, в которой надо получить семнадцать очков, чтобы выиграть. Я получил больше - и проиграл. Вы ловкие люди, не добрали очков и можете продолжать игру...

В сущности, совсем не важно, живете ли вы в миру или в семье, лишь бы не потерять общения с Богом...

Он обладает слишком тонким чутьем, слишком ясно читает в душах людей, чтобы рассчитывать довести их до такой же степени свободы духа, какой он сам достиг; он рассчитывает свою мудрость по их силам; он не требует большего, чем эти силы могут дать, но дать уже надо все, без остатка.

Прежде всего он открывает перед Кешабом и его учениками с широтой взгляда и терпимостью, допускающей законность различных точек зрения (казавшихся им до этих пор непримиримыми), - прежде всего он открывает перед ними сущность жизни, дух живого творчества. Этим интеллигентам, окостеневшим в рамках своего разума - своих разумов, - он развязывает члены, делает их свободными и гибкими. Он отрывает их от абстрактных споров... «Живите, любите и творите...». Их застывшая кровь снова начинает циркулировать...

- Творить - значит быть подобным Богу, - говорит он Кешабу, который в это время расточался в бесконечных и бесплодных спорах. - Когда вы полны сокровенной сущностью жизни, каждое ваше слово правдиво. Поэты во все времена восхваляли правду и добродетель. Сделались ли их читатели от этого добродетельными и правдивыми? Но когда среди нас встречается человек, отрешившийся от своего я, то его действия становятся дыханием добродетели: то, что он делает для других, украшает их самые будничные мечты, то, чего он коснется, делается правдивым и чистым; он становится отцом действительности. То, что он создает, не исчезнет никогда. Вот этого я жду от вас. Заставьте умолкнуть псов злобы. Пусть слон Всевышнего протрубит благословение всему, что существует. Вы обладаете этой могущественной силой. Хотите вы применить ее? Или же предпочитаете растратить эту краткую жизнь на вражду с людьми...

И Кешаб послушался совета. Он снова пустил корни в горячую землю, согретую жизнью чувства, жизнью крови, - землю, омываемую божественными соками Верховного Существа. Рамакришна заставил его почувствовать, что этих соков не лишена ни одна частица, ни один самый скромный росток человеческой мысли. Он снова сочувственно раскрыл свою душу иным формам веры, даже некоторым видам обрядов, которые он до того отклонял. Он открыто взывал к Шиве, Шакти, Сарасвати, Лакшми, Хари, отождествляя их с добродетелями божества. В течение двух лет он погружался в каждую из великих религий, в каждое героическое воплощение духа: Иисуса, Будды, Чайтаньи, из которых каждый представляет какую-нибудь грань великого Зеркала: он силится по очереди впитать их в себя, чтобы через их синтез достигнуть высшего идеала. В особенности им владеет во время последней болезни излюбленная Рамакришной форма проявления религиозных чувств: страстная любовь к Матери. Ученики Кешаба рассказывают Рамакришне, приходящему навестить его в последние дни его жизни: «С ним произошла большая перемена. Мы часто застаем его разговаривающим, как вы, с божественной Матерью, слушающим ее, проливающим слезы...» И Рамакришна, взволнованный, восхищенный этой вестью, впадает в экстаз. В этом длинном рассказе об их последнем свидании самое трогательное - это появление умирающего, сотрясаемого смертельным кашлем Кешаба, который приходит, держась за стены, хватаясь за мебель, чтобы упасть к ногам Рамакришны.

А тот, еще наполовину погруженный в экстаз, говорит сам с собой. И Кешаб молчит, впивая в себя таинственные слова, будто исходящие от самой Матери. Они объясняют ему с жестоким и утешительным спокойствием глубокий смысл его страданий и надвигающейся смерти. Как хорошо Рамакришна понимает

смятение этой жизни, полной беспокойной веры и любви.

- Вы больны, - говорит он ему тихо, - и это полно значения. В беспрестанных поисках Бога порывы благочестия не раз пронизывали ваше тело. Болезнь ваша есть след этих потрясений. Трудно составить себе понятие о производимом ими в организме разрушении в тот момент, когда они происходят. По Гангу плывет лодка, и никто этого не замечает. Но некоторое время спустя сильная волна (ею поднятая) ударяет о берег и уносит часть его. Когда божественный огонь коснется хрупкого жилища - тела, он сожжет сначала страсти, потом ложное «я» и наконец уничтожит все без остатка... Вы еще не достигли конца... Почему вы позволили поместить свое имя в списки больницы Господа? Вас теперь не выпустят, прежде чем не поставят напротив вашего имени надпись: исцелился...

Рамакришна не был человеком, который, подобно упряму, ограниченному ханже, спешит захлопнуть ставни своей кельи. Напротив, он открыл их настежь. Он был слишком человечен, ненасытно любознателен, жаден к плодам древа жизни, чтобы их не попробовать. Он изучил своим пронизательным взглядом, проникавшим как лиана через все щели дома, различные покои того же хозяина и все его духовные выявления. Чтобы понять их, он сам становился ими. Он постигал вместе с их чувствами их границы и предоставлял каждому существу иметь свое собственное представление о высшем начале и о личном долге. Он бы никогда не подумал навязать представление или поступок, который противоречил бы самому существу человека; он, для кого религиозное отрешение было и осталось навсегда первым и последним словом правды, открыл, что большинству оно было чуждо. И он не удивился этому и не опечалил-

ся. Эти различия, воздвигнутые стараниями людей, как заборы, казались ему кустами, которые цвели на одном поле и придавали ему разнообразие. Он понимал всех, он любил всех. Он видел пути и намеченную цель каждого человека; он видел их яснее, чем они сами; и он им их указывал. Говоря с людьми, - свидетели восхищались этим - он тотчас же начинал пользоваться оборотами и мыслями, свойственными им. Это не было проявлением его неустойчивости. Его ум твердо держал руль барки. И если он вел каждого к иному месту на берегу, это был всегда берег Божий. Он помогал им, незаметно для них самих, пристать к берегу своими собственными средствами. Так как всякое существо было, в его глазах, от Бога, он считал своим долгом развивать каждого согласно с его собственным призванием, помогая ему достигнуть наибольшей цельности.

Случай ему раскрыл, что он обладает даром духовного руководства, которого он до сих пор не искал. Одно западное изречение, взятое итальянским Ренессансом в качестве девиза, гласит: «Кто хочет, тот может». Бахвальство молодости! Она еще не знает жизни... Человек правдивый, отвечающий за свои слова, для которого они должны претвориться в действие, переворачивает девиз и читает: «Кто может, тот хочет».

9. Богочеловек

Рамакришна все же признавал то, что впервые было провозглашено Бхайрави Брахмани, - что он является божественным воплощением. Но он не любил об этом говорить и не переносил, чтобы об этом говорили в его присутствии. Он скорее был склонен публично отказать себе во всяком духовном преимуществе, вызывая неудовольствие своих близких, желавших этим воспользоваться. Позже, предсказывая Вивекананде его будущую судьбу, он припишет себе меньшую роль, чем своему ученику. И так, его вера была делом его внутренней сущности, тайным светом, которого он никогда не выставлял напоказ.

Рамакришна сразу почувствовал и доставшиеся ему силы и призыв мира к их применению. Влияние, которое он оказывал на избранные умы Индии, показало ему слабости, нужды этих интеллигентов, их неудовлетворенные стремления, недостаточность ответов их науки и необходимость его вмешательства. И Брахмосамадж открыл ему значение организации, красоту духовного объединения, воспитывающего молодые души вокруг старшего брата, который подносит их вместе с собой, как корзину цветов любви, Возлюбленной Матери.

Немедленным результатом было то, что его миссия, до тех дней неопределенная, стала ясной; она сосредоточилась в пылающем ядре сознательной мысли, где концентрировалось решение. Затем она перешла к действию.

Прежде всего, надо ясно видеть себя и своего Бога. Он понял, что этот Бог, который был в нем, не удовлетворялся, как другие садхаки, личным спасением (*садхана* - акт духовного созерцания, приводящий к одной из форм постижения; *садхака* - тот, кто посвящает себя этому действию).

Бог требовал от него любви и служения людям. Его духовная борьба, его экстазы, его познания Бога ничего не давали ему самому. *Sic vos, non vobis* (из Вергилия) - *так вы, но не вам*; вы работаете, а плата достается другим.

Его познания предназначались для подготовки путей человеческого развития, для новой эры духовного богопознания. Другие люди имеют право стремиться к освобождению и могут на него надеяться, он - нет. Он не мог на это рассчитывать. Он должен был всегда, из века в век, стремиться на помощь людям, пока они будут в опасности.

Слово «служение», которое учениками Рамакришны будет взято девизом для их миссии, не было ясно произнесено учителем. Но все его учение, проникнутое действенной любовью к другим, доходящей до полного личного самопожертвования, является, по существу, доктриной «служения». Как курьез можно воспринять, что, показывая на северо-запад (Россию), Рамакришна говорил, что через 200 лет он воплотится там.

10. Суть учения Рамакришны

Вот тот пароль и то слово спасения, которое он должен принести людям сегодняшнего дня:

1) Все религии истинны, если они взяты в своей основе и порождены искренним чувством верующих. Открытие этой универсальной Истины, до которой Рамакришна дошел здравым смыслом и интуицией, было основной целью его появления на Земле.

2) Три больших течения метафизической мысли: Дуализм, Монизм «измененный» (или смягченный) и Монизм абсолютный - три этапа на пути, который ведет к высшей истине. Они не противоречат друг другу, они присоединяются один к другому и дополняют друг друга. Каждый из них это перспектива, открывающаяся с точки зрения разума определенной группе людей. Массам людей, которые подчиняются чувствам, полезны дуалистические формы религии с обрядностями, музыкой, изображениями и символами. Чистый разум может дойти до «смягченного» монизма; он знает, что есть что-то вовне; но ему не дано «почувствовать» это находящееся вовне. Иное же течение мысли: *Адвайта*, Абсолют, бесформенный, непередаваемый, для него учение йогов является преддверием, он претупает границы логических средств слова и разума. Это последнее слово богопознания, тождество с единой Действительностью.

3) Этой лестнице мысли соответствует, конечно, и лестница обязанностей. Обыкновенный человек живет в обществе и должен исполнять в нем свои обязанности с сердечным рвением, не оказывая себе

предпочтения (или, по крайней мере, стремясь к этому), как хорошая служанка, которая заботится о доме, но хорошо знает, что дом не ее. При помощи чистоты и любви идешь к освобождению от желаний, но шаг за шагом, с терпением и скромностью...

- Совершайте только поступки, находящиеся в границах ваших мыслей и целомудренных снов. Не старайтесь обольщать себя гигантскими делами, берите на себя обязанности такие же малые, как и ваша преданность Богу. Затем, по мере того как будет расти ваше самоотречение и ваша чистота (а дела души растут быстро), они проложат себе дорогу через материальный мир и будут озарять своей добродетелью других людей, подобно тому как Ганга, проложившая себе русло между твердыми скалами Гималаев, орошает своей благодатью тысячи километров.

«...Итак, не спешите и идите каждый своим шагом! Будьте уверены, что достигнете цели! Не бегите! И тем более не останавливайтесь!.. «Религия - это дорога, ведущая к Богу. Дорога - это не дом...» - «А будет ли она длинной?» - «Смотря по обстоятельствам. Она одинакова для всех. Но одни уже раньше начали свой путь, и цель приближается...»

«Горшечник сушит свои горшки на солнце. Некоторые из них уже обожжены. Другие еще нет. Стадо проходит и топчет их ногами... (Это смерть). Горшечник подбирает их. До тех пор, пока вы не обожжены, горшечник может опять положить вас на гончарный круг и не дать вам исчезнуть. Но как только солнце божье закончило обжиг, горшечник бросает обломки, ибо в плане Майи вы больше не нужны. Все же он сохраняет некоторые из тех, обжиг которых закончен, чтобы они служили образцом для человечества».

Рамакришна - один из них. И он должен искать тех, кто находится на предпоследнем этапе, то есть тех, кто родился последний раз, чтобы основать с

ними - таково его прямое назначение и желание Матери - новый орден людей, объединившихся друг с другом и приносящих миру слово правды, которое содержит в себе все остальные слова, и слово это: «Всеобщий». Союз и единство всех проявлений Бога, всех порывов любви и значения, всех видов человечности. До этого дня каждый стремился постигнуть лишь один образ Высшего Существа. Нужно постигнуть их все. Это долг настоящего, и человек, достигший этого, сливаясь воедино со всеми и каждым из живущих братьев, сливаясь с ними глазами, чувствами, разумом и сердцем, становится кормчим и проводником, в которых нуждается новый век.

Бхайрави Брахмани первая объявила ему где-то около 1863 года, что многие верующие с чистым сердцем придут к нему. Но Рамакришна совсем не думал об этом до 1866 года. Лишь в конце долгого *самадхи* этого года он, как говорит Шарадананда, один из его биографов, почувствовал сильное желание иметь учеников и каждый вечер призывал их громкими криками. Высшая точка кризиса приходится на конец следующего шестилетнего периода (1866-1872 гг.); такой промежуток времени был ему необходим, чтобы уяснить себе духовное состояние тогдашней Индии и свои способности как учителя. Также к концу этого периода ему явились в видении его будущие ученики. Его первые проповеди относятся к концу 1874-го или началу 1875 года, когда он познакомился с Кешабом.

Обыкновенно считают, что его проповеди продолжались в течение двенадцати лет - с 1874-го по август 1886 года.

Как только явилось ему это видение, он загорелся желанием воплотить его в жизнь.

И, как птицелов, он бросил в воздух свой призыв крылатым умам, чтобы собрать их вокруг своей

голубятни. Время пришло. Он не мог больше ждать. Ему нужно было собрать вокруг себя своих птенцов. Днем и ночью им владела мысль о любимых товарищах. Он взывал в душе...

«Не было границ моему жгучему желанию. Днем мне еще как-то удавалось сдерживать его. Я не мог слушать то, что говорилось вокруг меня, они заполняли мой ум. Я видел их. Я заранее обдумывал, что скажу каждому из них... Но к концу дня мысль о них преследовала меня... Еще один день прошел! А их нет!.. Колокола звонили. Раковины звучали. Наступала ночь, я поднимался на крышу и с тоскою в сердце кричал: «Идите ко мне, мои мальчики! Где вы? Я не могу жить без вас...». Больше матери, больше друга, больше возлюбленного я любил их, желал их, умирая от их отсутствия».

11. Призыв сработал

Этот мощный вопль души поднимался ночью, как священная змея, и очаровывал небесных птиц. Не понимая, чье веление, чья сила притягивает их, они чувствовали, что их тянет невидимая нить, и, образуя круг, приближались со всех сторон и скоро пришли один за другим.

Толпы людей всех каст осаждала его теперь своими бурными волнами, они приходили, смешавшись вместе - *махараджи* и нищие, журналисты и пандиты,

артисты и святоши, *брахманы*, христиане и магометане, люди веры и деловые, энергичные люди, старики, женщины и дети. Они приходили часто издалека, чтобы задать ему несколько вопросов. Рамакришне нет больше отдыха ни днем ни ночью. Он отвечал всем, двадцать часов в сутки, несмотря на то, что его слабое здоровье окончательно разрушалось; он не отказывал никому, он дарил всем свое сочувствие, своеобразный свет и силы своей души, запускавшей когти в сердце посетителей, даже когда он молчал, и оставлявшей их надолго преображенными. Он относился с уважением ко всем искренно верующим и охотно заставлял спорить в своем присутствии людей разных религий, чтобы создать между ними гармонию.

Но примирение религий было для него лишь одним из факторов великой гармонии. Он хотел бесконечно большего: он хотел, чтобы человек весь целиком понял, почувствовал и полюбил человека в целом, чтобы он слился с существом всего человечества. Так как божественное начало присуще всякому существу,

всякая жизнь стала для него, должна была стать для всех - религией. И чем сильнее мы любим человека - человека самого несходного с нами, - тем ближе мы к Богу. Нет необходимости искать Бога в храмах, призывать его для чудес и откровений. Он здесь, повсюду и ежечасно, мы видим его, касаемся его, он наш брат, наш враг, он - это мы. И так как этот Вездесущий исходил из всего существа Рамакришны, так как его солнце спокойно разливалось на эту окружавшую его толпу, толпа чувствовала себя, сама того не понимая, поднятой и воскрешенной.

Он говорил своим ученикам:

- Мы должны строить на других основах, чем созидатели религии. Мы должны жить интенсивной внутренней жизнью, чтобы она сама стала Существом. Существо даст начало неисчислимым светочам правды... Реки низвергаются оттого, что породившая их гора остается неподвижной... Воздвигнем же посредине человечества гору Господню! Неважно, где и когда. Когда она будет воздвигнута, от нее потекут реки света и сочувствия на всех людей во все времена.

Итак, вопрос был не в создании, не в изложении нового верования:

«Мать! - молился Рамакришна, - не приноси мне почестей, приводя ко мне верующих! Не излагай моими устами нового вероучения!».

Когда настаивали, чтобы он определил Бога, Рамакришна говорил:

- А если я вам дам определение Бога, что вы с этим сделаете? Догмат веры для создания новой религии моего имени? Я пришел на землю не для того, чтобы создать еще один культ. О нет! И еще:

- Не ищите религии! Будьте религией!..

«Вы ищите Бога? Ну так ищите его в человеке! Божественность проявляется в человеке больше, чем в чем-либо другом».

И он предостерегал своих учеников против всякого рамакришнаизма.

Прежде всего не надо преград!

«Река не нуждается в преградах! Если ее заградить, вода становится застойной и ядовитой».

Нужно не запирать, а открывать, открываться самому и открывать других, чтобы воссоздать вместе всемогущее единство. Это должно быть прямым назначением избранных учеников: их общим усилием «воссоздать Существо, которое будет питать мужчин и женщин грядущих веков».

Это активная роль, требующая больших дарований, полноценности ума и сердца. И не надо дорожить собою, надо отдать себя целиком.

Вот почему, призывая все существа без единого исключения к божественной общности, он весьма строг в выборе своих учеников: ибо они будут дорогой, по которой пройдут ноги человечества.

Он не выбирает их, - по его словам, их выбирает «Мать».

«Я не выбираю их. Божественная Мать приводит их ко мне. Она заставляет меня освидетельствовать их. Ночью я размышляю. Покровы спадают. Она показывает их мне... Вы видите тогда всю сущность мужчины и женщины, как сквозь стенки стеклянного ящика... Я убеждаюсь в свойствах своих учеников много раньше, чем я их принимаю...».

Но «Мать» - не есть ли это наше глубочайшее Я, которое мы несем в себе? И это Я приобретает у таких людей, как Рамакришна, исключительную способность сохранять на открытом просторе жизни, омываемой рекой человеческих масс, самую интенсивную сосредоточенность уединения, это Я обладает шупальцами, безошибочно осязающими невидимое в людях. При самом поверхностном соприкосновении оно обнажает дно - силы и слабости, добродетели и пороки,

скрытые даже от самого наблюдаемого, - то, что есть, то, что будет. Обыкновенные люди склонны отрицать возможность интуитивного прозрения, простирающегося из настоящего в будущее. Но это выходит за пределы законов природы не больше и не меньше, чем дрожание волшебной палочки лозоискателя воды на земной коре, покрывающей водное пространство.

Рамакришна был такой волшебной палочкой в руках «Матери». Рассказывают об удивительных проявлениях его повышенной физической и духовной чувствительности. Подобно тому как в конце его жизни, вследствие отвращения к богатству, прикосновение к золоту вызывало у него ожог, Вивекананда рассказывает: «Даже во сне рука его сжималась, и тело его становилось как бы парализованным, когда я прикасался к нему монетой».

Однажды, по доброте своей прикоснувшись к человеку, внешне безупречному, но с порочной душой, который настаивал, чтобы его приняли учеником, Рамакришна закричал от боли. Он ласково и огорченно сказал этому человеку: «Прикосновение блаженства божьего превратилось в вас в яд кобры. Ваше освобождение еще не наступит в этой жизни, мой сын».

Можно упомянуть сотни проявлений такой сверхчувствительности: удар, нанесенный взбешенным человеком прохожему, оставлял физические следы на теле Рамакришны. Его племянник рассказывает о том, как покраснела и распухла у него спина при виде человека, спина которого была исполосована ударами.

Он тотчас же читал в душах тех, кто к нему приближался, и принимал их в ряды своих учеников лишь после тщательного изучения.

Он не полагался на одну только интуицию закрытых глаз. Он посещал воспитателей своих юных учеников, осведомлялся о них, изучал их во время молитвы. Со странным и тщательным вниманием он

отмечал физиологические особенности их дыхания, сна и даже пищеварения. Он придавал им большое значение для установления своего суждения о духовных способностях и о судьбе своих учеников.

В едва сформировавшемся юноше, затуманенном сомнениями, он открывал прямое назначение, для которого тот был создан, а иногда и великие судьбы, о которых сам этот человек подозревал менее чем кто-либо другой.

Возможно, что он способствовал их зарождению, возвещая о них. Это был великий ваятель душ, под огненными пальцами которого расплавлялись, подобно воску, не только мягкие и нежные натуры, но и отлитый из бронзы Вивекананда. Любопытно то, что самые страстные, независимые натуры, подобно Вивекананде, твердо решившие противостоять ему, были обречены рано или поздно подчиниться его духовному выбору. Более того, они с такой же страстью покорялись ему, с какой когда-то старались сопротивляться. Он умел видеть, захватить и сохранить умы, предназначенные к служению его миссии. И кажется, что никогда его взгляд парящей птицы - Парамахамсы - не ошибался.

В этой свите людей с высокой душой, которой он себя окружал, нужно различать две категории: члены особого монашеского ордена, мужчины и женщины, которые остаются в миру, служа Богу, и синклит апостолов.

Поговорим сначала о первых: ибо ученики или слушатели второго или третьего круга покажут нам, насколько велика «терпимость» Рамакришны и насколько его религия постоянно считается как для других, так и для него самого с основными обязанностями человека.

Он не требует от праведников, чтобы они по доброй воле покинули все и следовали за ним. Он не разрешает себе сказать тем, кто связан мирскими нитями, людям женатым, отцам семейства: «Откажитесь от всего, чтобы достигнуть спасения!».

Наоборот, он запрещает жертвовать законными правами кого бы то ни было, «потому что вы хотите стать святым, мой сын». Личное спасение - это эгоизм в слишком многих случаях. И тогда это худшая смерть души:

«...Существует долг по отношению к богам. Существует долг по отношению к родным. Существует долг по отношению к жене. Никакая работа не может быть хорошо сделана, если ты не выполнил долга по отношению к родным... Некоторые люди беспрестанно цитируют Писание, но их поведение противоречит ему.

«...Вы должны воспитывать ваших детей, содержать вашу жену и обеспечить ей необходимое после вашей смерти. Если вы этого не сделаете, значит у вас нет сердца, а человек, лишенный сострадания, недостоин имени человека...».

Рамакришна предлагает всем средство освободиться, напиться из внутреннего источника, участвовать в радости всеобщего бытия, которое заключено в каждом и которое является богом, не идя против самой природы, не уродуя, не насилуя ее и в особенности не причиняя вреда даже одному волосу тех, кто от них зависит. Далекий от того, чтобы запрещать законные привязанности, он пользуется ими, чтобы просветить людей. Они являются тем спокойным каналом с прекрасными отблесками, который приводит чистых и простодушных к Богу. Вот прекрасный пример.

Дочь одного из его учеников была рассеянной. Она с горестью говорила Рамакришне, что ей не удастся сосредоточиться во время молитвы. Рамакришна спросил ее:

- Что вы любите больше всего в жизни? Она ответила:

- Маленького ребенка моего брата.

- Хорошо, - сказал ей любящий учитель, - сосредоточьте на нем ваши мысли!

Она так и сделала, и увидела образ маленького мальчика, дитя Кришну...

Как дорог этот цветок нежности, какой в этом глубокий смысл! В каждом из нас, если даже его сердце наполнено тьмой, есть божественная искра, которая проявляется в самом скромном порыве истинной любви. Нет человека, совершенно лишённого хоть маленького светильника; его света достаточно, чтобы озарить путь. Все дороги хороши, даже плохие, и все личные судьбы хороши, если каждый будет следовать своей с настоящей искренностью. Остальное - от Бога. Имейте доверие и идите вперед! Другой рассказ в таком же роде:

Одна старушка начала дряхлеть. Она захотела удалиться в Вриндаван и отдаться религиозной жизни. Рамакришна отговорил ее, сказав, что она слишком любит свою внучку и что та будет ей помехой в ее молитвах. Он добавил:

- Все хорошее, что вы ожидаете от жизни во Вриндаване, будет вам дано само собой, если вы отдадитесь нежному чувству к внучке, думая, что она есть сама Шри Радхика (возлюбленная Кришны). Ласкайте ее, сколько хотите, кормите ее, одевайте, балуйте ее досыта. Думайте только при всех ваших действиях, что вы поклоняетесь Богине Вриндавана.

Итак, живите своей жизнью, любите ваших возлюбленных в полной невинности и в мире! Нужно

только видеть Бога под их драгоценной завесой и воздавать ему благодарность. «По какой бы дороге вы ни шли, главное - это горячее стремление к истине. Бог знает тайны вашего сердца, и для него неважно, что вы идете по неправильному пути. Нужна только ваша искренность. Он сам опять выведет вас на правильную дорогу... Известно, что нет ни одного пути без ошибок. Каждый думает, что его часы хорошо идут; на самом деле никто не знает точного времени. Это не мешает работать».

12. История Гириша

Насколько материнский глаз Рамакришны, как и глаз самой Матери, умел со снисходительностью проникнуть, понять и направить смятенные сердца самых потерянных из его детей, показывает достойная францисканской легенды история его отношений с актером Гиришем Чандра Гхошем.

Великий актер и драматург был пьяницей и гулякой, восставшим против Бога несмотря на то, что из-под его гениального пера временами выходили прекрасные религиозные произведения. Но в его глазах это была лишь игра. Он не видел того, что с первого взгляда постиг Рамакришна, - что он сам был игрою Бога.

Он услышал о Парамахамсе. Ему хотелось посмотреть на него, как на какого-нибудь диковинного зверя на ярмарке. Он был пьян: при первой встрече он оскорбил его. Рамакришна спокойно и насмешлив во сказал ему:

- По крайней мере, пейте во славу Бога! Может быть, Он тоже пьет...

Пьяница, разинув рот, воскликнул:

- Откуда вы это знаете?

- Если бы он не пил, как бы Он мог создать этот сумбурный мир?

Гириш был потрясен. Когда он ушел, Рамакришна тихо сказал своим изумленным ученикам:

- Он очень благочестив.

По просьбе Гириша, он пошел посмотреть на его игру в театре в Калькутте. Гириш был тщеславен и добивался похвалы. Рамакришна сказал ему:

- Мой сын, ваша болезнь - горбатая душа. Взбешенный Гириш осыпал его бранью. Рамакришна благословил его и ушел. На следующий день Гириш стал умолять о прощении. Он привязался к Рамакришне, но никак не мог отказаться от пьянства. Рамакришна никогда этого и не требовал. Именно поэтому Гириш сам отказался от вина. Рамакришна внушил ему чувство свободы.

Но этого было недостаточно. Рамакришна говорил ему, что не делать зла - слишком отрицательная добродетель. Нужно приблизиться к Богу. А Гириш на это не способен. Никогда он не мог подчиниться никакой дисциплине. В отчаянии он сказал, что предпочитает самоубийство размышлениям и молитве...

Я не прошу у вас многого, - сказал Рамакришна. - Одну молитву перед едой. Одну молитву перед сном. Неужели вы и этого не можете?

- Нет. Я ненавижу рутину. Я не могу молиться, погружаться в раздумье. Я не могу думать о Боге даже минуту!

- Хорошо, - сказал Рамакришна. - Если вы хотите видеть Господа и если вы, однако, не желаете сделать ни одного шага к Нему, то не хотите ли вы доверить это мне? Я буду молиться за вас. Продолжайте вашу жизнь! Но внимание! Обещайте мне жить впредь во власти божьей...

Гириш согласился, не предусмотрев всех последствий. Это означало жить без единого личного желания, во власти внутренних сил, подобно листу, колеблемому ветром, или котенку, которого мать с таким же успехом может отнести на кровать короля, как и в ящик с нечистотами. Он должен был принять все и ни о чем не спрашивать. Это было нелегко. Гириш старался честно держать свое слово. Но однажды он сказал:

- Да, я хочу сделать это.

- Что вы сказали! - воскликнул строго Рамакришна. - У вас больше нет воли, чтобы сделать или не сделать. вспомните, вы все доверили мне. Вы поступаете согласно тому, что хочет от вас Господь. Я молюсь за вас; но мои молитвы ни к чему не приведут, если вы не откажетесь от всякой инициативы.

Гириш покорился.

И результатом этой дисциплины было то, что через некоторое время он осуществил отречение от своего Я и был принят Богом.

* Он не отказался, однако, от своей профессии драматурга и актера, а Рамакришна и не желал этого. Но он ее очистил. Гириш был первым, кто ввел женщин на бенгальскую сцену. И теперь он спасал от нищеты многих несчастных девушек и поднимал их; впоследствии он направлял их в монастырь Рамакришны. Он стал одним из наиболее верующих последователей учителя и самым замечательным его учеником в мире. Несмотря на его откровенность и едкий юмор, он пользовался уважением и почетом среди учеников, живших в обители, и после того, как их учитель умер.

Умирая, Гириш сказал:

- Безумное стремление к материальному - устранившая завеса. Убери ее с моих глаз, Рамакришна!

Так умел Рамакришна среди проходящих избирать того или тех, кого его религиозное чувство - это шестое чувство, являющееся у него всегда первым, - открывало ему как предназначенных к божественному сеvu. Тех, в ком дремлет Бог. Ему достаточно одного взгляда, одного жеста, чтобы разбудить того. Почти все его ученики открывают ему, даже помимо их желания, при первой же встрече, трепет своего я. Он проникает в них до конца. Остальным людям предоставляется самим искать собственное спасение. Истинные ученики должны руководить ими, они несут ответственность за их души. Вот почему они подлежат

испытанию физическому и моральному; и после их принятия за ними устанавливается хотя и отеческий, но всегда бдительный надзор.

Он выбирает предпочтительно юных, иногда очень юных, чуть ли не подростков, неженатых, еще не захваченных в сети желаний, не посаженных в клетку богатства, свободных от привязанностей... Если кто-либо из них женат, он изучает его жену, он удостоверяется, что она не будет мешать молодому супругу в его назначении, что она будет ему помощницей. Вообще учениками этого человека, лишенного образования, были образованные юноши, знающие по крайней мере один иностранный язык, владеющие санскритским. Но это не являлось необходимым условием. Пример Лату знаменателен (хотя можно сказать, что это единственное исключение подтверждает правило). Этот смиренный слуга, чужой в Бенгалии, невежественный крестьянин из Бихара, которого один взгляд Рамакришны пробудил к вечной жизни, был одарен, не зная этого, подобно учителю, особым талантом сердечного чувства...

- Многие из вас, чтобы прийти к Богу, - говорил своим ученикам Рамакришна, - должны были пересечь нечистые воды знания..., но Лату перескочил их, подобно Хануману...

Чему учил он их? Вивекананда хорошо отметил оригинальность его метода, в особенности для того времени и для Индии (впоследствии некоторые из его приемов, продиктованные инстинктом, были переняты и рационализированы новыми школами в Европе). Слово учителя до сих пор в Индии было законом. Гуру пользовался у *челы* (ученика) большим почтением, чем даже родители. Рамакришна ничего этого не хочет. А тем более ритуалов! «Бога можно постигнуть не сетью обрядов, а лишь вашей любовью и искренностью. Не надо праздных дискуссий о метафизике и теологии!»

Он говорил: «Я не люблю дискуссий. Бог вне рассуждений. Я вижу, что все существующее есть Бог. Тогда зачем рассуждать? Войдите в сад, отведайте священных плодов мангового дерева и уходите! Вы вошли не для того, чтобы сосчитать листья на манговом дереве. Зачем же растрачивать свое время на споры о перевоплощении или изображении Бога? Мне совсем не важно, верен ли счет или нет!..

Что же действительно важно? - Испытание самого себя. Прежде испытать себя, а потом уже верить в Бога. Вера не должна предшествовать, а должна следовать за религиозным испытанием. Если она приходит раньше, она лишена постоянства.»

Все же Рамакришна своей верой предрешает, что Бог - во всем, что он - все, и следовательно тот, кто открывает глаза и смотрит вокруг себя, должен неизбежно встретить его. Это является у него столь глубоким и постоянным ощущением, что он не испытывает никакой потребности его доказывать. Он не думает навязывать его. Он слишком уверен, что каждое здоровое, искреннее существо само дойдет до этого и только само. Итак, у него нет другой заботы, как сделать своих учеников людьми искренними и здоровыми.

Но что сказать о моральном воздействии этого существа, всецело проникнутого Богом? Слишком очевидно, что его спокойное и постоянное прозрение, слитое с его плотью, как запах ели - с осенним медом, просачивается на языки изголодавшейся молодежи, которая упивается его жестами, его движениями. Он и не подозревает этого. Он оставляет их свободными, как он думает. Он полагает, что Бог просто распространяет через него свой запах, как тимьян, по которому пробегает ветер. Тимьян не старается убедить вас. Вдыхайте его аромат полной грудью.

В этом - вся основа учения Рамакришны. Прежде всего имейте и сохраняйте тело, чувство, разум

цельными и чистыми, без пятна, без царапины, - все существо молодым, как Адам.

Первое правило этого - воздержание.

Это правило, которое наши западные антиклерикалы делают в простодушном неведении монополией римской церкви и против которого они неустанно собирают и пускают все те же тупые стрелы, так же старо, как мир, - хотя, если бы оно применялось всем миром, он бы, очевидно, не состарился. Все великие мистики и большая часть крупных идеалистов, самые гениальные созидательные умы постигли ясным сознанием или инстинктом огромную силу духовной сосредоточенности и накопления созидательной энергии, возникающих благодаря воздержанию от органических и психических затрат, вызываемых половым чувством. Даже такие неверующие люди, предоставленные случайностям ощущений и вспышкам желаний, как Бетховен, Бальзак или Флобер, чувствовали и говорили это...

13. Передача Эстафеты

Что касается благотворительности Рамакришны, то она занимает весьма незначительное место в его учении. Это было бы важно с точки зрения людей Запада - если говорить о самых честных из них, - ставящих дело выше намерения и благо других выше личного спасения, - это было бы важно, если бы мы не помнили, во-первых, о том, что Рамакришна отвергает, считая эгоизмом, как личное спасение, так и филантропию вне бескорыстной любви, во-вторых, что его назначение - именно зажечь в сердцах истинное милосердие:

«Какая разница между милосердием и самолюбием? Милосердие - это любовь, которая распространяется на всех и которая не ограничивается собою, своей семьей, своей сектой, своей страной. Самолюбие - это привязанность к самому себе, к своей семье, к своей секте, к своей стране. Углубляйте возвышающее нас милосердие, которое приводит к Богу».

Истинное милосердие - это для Рамакришны любовь к Богу, проявляющемуся во всех людях, ибо Бог присутствует в каждом человеке.

Нельзя по-настоящему любить человека и, следовательно, полностью прийти ему на помощь, если не любишь в нем Бога. И наоборот, нельзя хорошо познать Бога, пока не увидишь его в каждом человеке.

Рамакришна хотел, чтобы его ученики достигли реализации своего «я», прежде чем отдаться с пользой служению человечеству.

Но в ожидании этого человечество страдает, человечество умирает покинутое. Оставит ли он его без помощи? - Нет. Ибо то, чего Рамакришна не делает, не может сделать сам, ограниченный рамками своей Кармы и горизонтом своей жизни (жизни, которая готова уже угаснуть), он завещает исполнить своему величайшему ученику, наследнику своего слова - Вивекананде, тому, который в одном видении предстает ему как божественная эманация, более высокая, чем его собственная, и призвать которого к людям для их же спасения он считает своей личной миссией. На него он возложит, почти что помимо его желания, обязанность действовать в мире и «облегчить страдания смиренных и бедных».

И Вивекананда внесет в это свою действительную энергию и всепожирающую страсть. Конечно, его натура, совершенно иная, чем у учителя, не могла бы ждать ни одного дня, ни одного часа в своем стремлении прийти на помощь несчастным. Он страдает за них своей собственной плотью. Они преследуют его, они исторгают у него крики отчаяния. Он не обладает необычайной ясностью духа, которая осеняет в последние годы дух Рамакришны - этот бесплотный дух, проникший в страшную область по ту сторону добра и зла:

«Абсолют не связан ни с добром, ни со злом. Он таков, как свет лампы. Вы можете благодаря ему читать священное писание, но можете также при этом же свете подделывать подписи... Каков бы ни был грех, зло или страдание, которые мы находим в мире, они являются страданием, злом и грехом только по отношению к нам. Абсолют ими не затронут. Он над ними и вне их. Его солнце одинаково сияет над Злом и над Добром... Я боюсь, что вы должны принять события, совершающиеся во вселенной, такими, как они есть. Человеку не дано познать с ясностью пути Господни,

Я вижу, я постигаю, что все три - жертва, плаха и приносящий жертву - та же субстанция. О, какое видение...».

Да, это видение полно трагического величия и подобно океану. Хорошо было бы, чтобы каждая мужественная душа время от времени в него погружалась. Хорошо, что в глубине сердца, полного нежности, Рамакришна хранит его царственный шум и соленое дыхание. Но оно не создано для обыкновенных смертных. Оно может их свести с ума или заставить похолодеть от ужаса. В своей слабости они не способны осуществить синтез Абсолюта со своим «эго»; чтобы не подкосить в них жизненного порыва, нужно сохранить им «палочку его», брошенную в океан *сатчитананды* (Бытия, Познания, Блаженства). Это только «черта, проведенная по воде». Но «если вы ее уничтожите, останется только единый нераздельный океан» Сохраните ее, чтобы защитить себя от головокружения! Сам Бог разрешил эту видимость, чтобы укрепить нетвердые шаги своих детей. Они все-таки будут с ним. Тем, кто спрашивает в тоске Рамакришну:

- Господин, вы говорите нам о том, кто осуществляет единство «я - это он...». Но те, кому это не дано, те, кто говорит: «ты - не я, и я ишу тебя...». Что случается с ними?

Он отвечает со своей успокаивающей улыбкой:

- Нет никакой разницы, если вы называете его «Ты» или думаете: «Я - это он». Люди, которые постигают его, говоря «Ты», поддерживают с ним наилучшие отношения. Так же, как старый преданный слуга и его хозяин. По мере того как они оба старятся, хозяин опирается на него. Хозяин советуется с ним обо всех своих делах. Однажды он берет того за руку и сажает на свой трон. Сконфуженный слуга говорит ему: «Что вы делаете, господин?...». Но хозяин удерживает его на троне возле себя и говорит ему: «Вы такой же, как и Я, мой горячо любимый!..».

Рамакришна всегда умеет приспособить свою мысль к пониманию каждого из своих учеников; и, весьма далекий от разрушения хрупкого равновесия человеческого духа, он заботится о его укреплении, осторожно соблюдая различные соотношения его составных элементов у каждого. Мы увидим, как он меняет свои приемы в зависимости от темперамента каждого настолько, что иногда кажется, что он высказывает противоречивые положения. Ангельскому Йогананде, грешащему слишком большой мягкостью, он рекомендует энергию:

«Благочестивый не должен быть дураком».

Он бранит его за неумение защищать себя в жизни. Неистовому Вивекананде, всегда готовому идти против неприятеля и уничтожить обидчика, Рамакришна предписывает забвение обид и кротость. У учеников «героического типа» он допускает некоторые слабости, которые не разрешает слабым, ибо первые не могут быть задеты ими надолго. С безошибочным тактом он всегда умеет рассчитать силы противодействия каждого существа.

Можно было бы думать, что человек, живущий в постоянном контакте с Абсолютом, вне норм, регулирующих течение обычной жизни, неспособен охватить тысячи оттенков повседневных поступков и направлять их. У Рамакришны как раз наоборот. Освободившись от цепей Видимости, он стремится прежде всего снять с себя шоры всех предрассудков, всякого фанатизма, всякой узости сердца и ума, и не встречая больше помех свободному и открытому взгляду, он судит обо всем и обо всех с добродушным здравым смыслом. Удивление вызывают его сократовские беседы. В них он моментами ближе к Монтеню и Эразму Роттердамскому, чем к Галилею. Их ироническая проникновенность, их веселый юмор производят освежающее впечатление. Тем

более ценны они в этой жгучей Бенгалии, для этих юных, всегда возбужденных умов. Вот два чудесных примера, две притчи - о Слоне и о Змее. В одной Рамакришна с очаровательной иронией предостерегает своих учеников от двух противоположных крайностей - от насилия и от абсолютного непротивления. В другой же он как бы иронизирует сам над собой. Он постиг опасности аморализма и индифферентизма в поступках, могущих вызвать в этих молодых возбужденных умах внезапный ослепительный удар познания вездесущего Бога; он насмешливо измеряет степень его присутствия в нас и вокруг нас, иерархию его форм и повелений.

14. Две притчи: о слоне и о змее

Однажды Рамакришна рассказал своим ученикам такую историю:

В одном лесу жил отшельник, у которого было много учеников. Однажды он поучал их, говоря: «Бог находится во всех вещах, и потому мы должны с почтением склонять голову перед всеми предметами мира». Случилось, что один из его учеников пошел за дровами для жертвенного огня. Вдруг он услышал крик «Посторонитесь! Посторонитесь! Сюда приближается бешеный слон!». Все тотчас же убежали, кроме того ученика. Он рассуждал так «Слон - это Бог в одной из Его форм, зачем же я стану спасаться?». И он остался там, где был, поклонился слону, как Богу, и начал петь ему хвалу. Погонщик слонов надрывался: «Спасайся же! Спасайся!». Но ученик не хотел двинуться ни на один шаг. Слон схватил его хоботом и далеко отбросил. Несчастный юноша, совершенно оглушенный, помятый, окровавленный, остался лежать недвижимым.... Учитель узнал об этом. Он вместе с другими прибежал к месту происшествия. Пострадавшего отнесли в дом. Когда тот пришел в себя, его спросили:

«Почему же ты не посторонился, когда услышал крики вожака?». Юноша ответил: «Учитель учил нас, что Бог открывается в каждой его твари. Я считал слона богом и не хотел двинуться с места». Тогда его гуру сказал:

«Сын мой, конечно, верно, что этот приближающийся слон был богом. Но разве бог-погонщик не предупреждал тебя, уговаривая отойти в сторону? Это правда, что Бог проявляется во всем. Но если он проявился в слоне, почему же он не может проявиться так же или в большей степени в погонщике слонов? Скажи же мне, почему ты не послушался предостерегающего тебя голоса?».

А вот лукавая беседа учителя с молодым Вивеканандой.

Учитель (улыбаясь). А что ты думаешь, Нарендра, вот о чем? Люди, живущие в миру, часто судят строго о тех, кто посвящает себя Богу. Когда слон идет своей дорогой, множество собак и других животных всегда бегут за ним, визжа и лая. Но он прикидывается, что не слышит их, и продолжает свой путь. Предположи, мой мальчик, что люди говорят о тебе дурно за твоей спиной. Что ты сделаешь?

Нарендра (с презрением). Я сочту их уличными собаками, лающими на меня!

Учитель (смеясь). Нет, мое дитя, никогда не следует заходить так далеко. Знай, что Бог живет во всех вещах, одушевленных и неодушевленных. Значит, все должно быть предметом нашего внимания. В наших отношениях с людьми все, что мы можем сделать, это стараться бывать в обществе добрых людей и избегать общества злых. Правда, что Бог даже в тигре. Но из этого не следует, что мы должны броситься к нему на шею и прижать тигра к сердцу.

(Ученики смеются).

Нарендра. Не оставаться же спокойным, если мерзавцы оскорбляют нас?

Учитель в ответ рассказал такую историю:

...На одном поле, где маленькие пастухи стерегли скот, жила страшная ядовитая змея. Однажды

святой отшельник проходил мимо. Дети подбежали к нему и закричали: «Святой отец, не проходи здесь, берегись змеи!». - «Дети мои, - сказал святой старец, - я не боюсь вашей змеи. Я знаю такие молитвы, которые защищают от всякого зла». Говоря это, он продолжал свой путь... Змея видит его и приближается, поднимая голову. Святой отец шепчет заклинания, и змея падает к его ногам, бессильная, как земляной червь. «Почему же ты так живешь, причиняя зло другим? - сказал святой отец. - Я тебе назову священное имя (имя Господа), и ты будешь повторять его и научишься любить Бога; в конце концов ты увидишь его, и желание делать зло покинет тебя». Он шепчет на ухо змее священное имя. Змея склоняет голову и говорит: «О учитель, что я должна сделать, чтобы достигнуть спасения?». - «Повторяй священное имя, - сказал святой отец, - и не делай зла ни одному живому существу. Я приду посмотреть, как ты ведешь себя». И, сказав это, святой отец удалился. Прошли дни. Маленькие пастухи заметили, что змея перестала жалить. Они бросали в нее камни. Один из мальчишек схватил змею за хвост и стал вертеть ее над головой, потом несколько раз ударил ее о камни. Змея потеряла много крови, ее оставили, думая, что она мертва. Ночью она пришла в себя, с трудом притащилась к своей норе; все тело у нее было разбито. Через несколько дней она превратилась в скелет. Боясь детей, она выходила только ночью. После посвящения ее *брахманом* она перестала причинять зло божьим тварям. Она старалась жить кое-как, питаясь листьями и разными сухими травами.

Святой отец возвратился. Он смотрел во все стороны и искал змею. Дети сказали ему, что ее больше нет в живых. *Брахман* удивился: он знал, что имя Господне, повторяемое змеей, имело духовную силу сделать смерть невозможной до разрешения проблемы жизни, то есть до лицезрения Бога.

Он принялся за поиски и несколько раз позвал змею по имени. Змея вышла из своей норы и склонилась перед своим наставником. Завязался диалог.

Святой отец: Ну! Как живешь?

Змея: О, учитель! Благодарю вас. Милостью божьей живу очень хорошо.

Святой отец: Почему же от тебя остались только кожа да кости? Что случилось?

Змея: О, учитель, слушаясь вашего приказа, я старалась не причинять вреда никакой твари. Я питалась листьями и прочими травами. Поэтому возможно, что я исхудала.

Святой отец: Боюсь, что не только пища привела тебя в такое состояние. Есть что-то еще. Ну-ка, расскажи мне!

Змея: А! Возможно. Да, конечно... Я знаю, в чем дело. Однажды маленькие пастухи обошлись со мною весьма жестоко, они меня взяли за хвост и несколько раз ударили о камни. Бедные! Они не представляли себе, какая во мне произошла перемена. Как могли они знать, что я никого не укушу!

Святой отец: Какие глупости! Какие глупости! Нужно быть идиотом, чтобы не знать, как помешать своим врагам так обращаться с собою. Я запретил тебе только кусать какую-либо тварь. Но почему же ты не зашипела на тех, кто хотел убить тебя, чтобы испугать их?..

И Рамакришна, глядя на своих учеников смеющимися глазами, закончил:

- Итак, выпускайте жало... Но не кусайтесь!.. Человек, живущий в обществе, и в особенности гражданин, отец семейства, должен делать вид, что сопротивляется злу для своей защиты, но в то же время он должен быть осторожен, чтобы не платить злом за зло...»

И на самом деле, нужно думать, что метод Рамакришны в лодке действия, качающейся в опасности с борта на борт под напором двух противоположных

ветров, восстановит под мощным давлением здравого смысла, равновесие между двумя крайностями.

А вот еще один рассказ:

«Молодой Кали удил рыбу. Учитель сказал ему: «Зачем эта жестокость?». Кали отвечал: Я не делаю ничего худого! Мы все – *Атман*, а *Атман* бессмертен. Значит, я в действительности не убиваю рыб...». Учитель сказал ему: «Дорогое дитя, ты ошибаешься. Человек познания (то есть тот, кто познал в себе божество) никогда не может быть жестоким к другим. Это невозможно по самой его природе. Его ум даже не мыслит об этом...».

В своей приверженности идее ненасилия Рамакришна дошел до того, что не хотел больше рвать цветы для обрядовых подношений.

Однажды (это было в 1884 году) Рамакришна беседовал со своими учениками. Он объяснял им основные принципы религии вайшнавов, один из которых – доброта ко всем существам.

«Наш мир принадлежит Кришне. Знайте это в глубине вашего сердца и проявляйте доброту ко всем существам... Доброту ко всем существам...» - повторил он и впал в *самадхи*. Придя в себя, он шептал: «Доброту ко всем существам... доброту... Не стыдно ли тебе, ничтожное насекомое, как можешь ты проявлять милосердие к существам божьим? Кто ты, чтобы быть милосердным?.. Нет! Нет! Это не может быть милосердием... Служи им, как будто они были Шивой!..».

После этого Нарен (Вивекананда), выйдя с другими, объяснил им глубокий смысл этих слов, который они поняли лишь наполовину. Он толковал их на основании доктрины служения, примиряющей высокую любовь к Богу с деятельностью, направленной на благо людей.

Совершенно ясно, что он сам осуществлял в жизни и проповедовал ахимсу («ненасилие») так же, как и позже это делал Ганди. Он ясно выражал это много раз по отношению не только к человеку, но и к каждому живому существу.

Но, отличаясь большим юмором и большей душевной тонкостью, чем Ганди, он вовсе не стремился указать единое правило, и охватывая одним взглядом все «за» и «против», он - страстный поклонник Абсолюта - чутко ощущает в этом мире Майи золотую середину. И как Мать, бросая, подобно бумажному змею, души в пучину неба, он возвращает их на землю, потягивая веревку здравого смысла. Для них еще не настал час, чтобы улететь...

15. Нарен и Учитель

Ученики должны оставаться в миру, чтобы учить людей. И прежде всего нужно чтобы они учились сами. Они должны точно разобраться в своей собственной природе, в существах, окружающих их, в божественной сущности, пронизывающей всех. Большинство достигнет этого только длительной работой, последовательной и непрерывной. Эта работа должна проводиться ими самими, их же собственными средствами, конечно, при отеческой помощи гуру; но ни в коем случае воля гуру не должна подменять их волю; он тут для того, чтобы направлять их. Лишь в исключительных случаях он соглашается вмешаться и влиять на их волю в первом периоде, когда они должны быть сами мастерами своего развития.

Отметим, что в данном случае духовидец отнюдь не является слабым, легковверным и лишенным критики. Он восстает против своего видения. Его сильная личность, предупрежденная об опасностях, чрезвычайно резко противится всякому гипнотическому действию; и он прежде всего спрашивает себя, не был ли он игрушкой какого-нибудь внушения. Но он не замечает никаких признаков этого. Еще содрогаясь после циклона, он держится настороже. Но после этого большого толчка его посещение оканчивается совершенно нормально. Рамакришна относится к гостю просто и тепло, с родственной фамильярностью, как если бы ничего не случилось.

При третьем посещении, которое произошло, вероятно, через неделю, Нарен держится настороже,

вооруженный всей силой своего критического отношения. Он не позволяет к себе приблизиться, и Рамакришна не делает никаких к этому попыток. Они гуляют в саду. Потом возвращаются в гостиную, и Рамакришна впадает в экстаз. Нарен наблюдает за ним. Но посреди наблюдения он сам захвачен и, в свою очередь, теряет сознание. Придя в себя, он видит Рамакришну, который смотрит на него и проводит рукой по его груди.

Впоследствии учитель рассказал своим ученикам:

- В то время, как он был в таком состоянии, я задал ему несколько вопросов о его предках, его происхождении, о его назначении в мире, о продолжительности его земной жизни. Он погрузился в глубины самого себя и принес мне ответ, который только подтвердил то, что я видел в нем. Это останется тайной. Но таким образом я узнал, что он мудрец, опытный в медитации, достигший в ней наибольших высот, и что в день, когда он придет к познанию своей настоящей природы, он сбросит с себя свое тело действием силы воли.

Он не открыл ему этой тайны, но оказывал ему почести. Нарен занимал среди учеников привилегированное положение.

Нарен, однако, не торопился принять звание ученика. Ему не хотелось быть чьим бы то ни было учеником. Он был поражен непонятной силой Рамакришны. Она притягивала его, как магнит железо, но он был из крепкого металла. Его разум не признавал этой власти. Если прежде в отношениях с рационалистами его сердце восставало против интеллекта, здесь интеллект не доверял сердцу. Он твердо решил сохранить свою независимость, ничего не принимать от учителя, строго не проконтролировав этого собственным разумом. Вера других без критики вызвала в нем презрение.

Нельзя себе представить более странных отношений, чем те, которые установились между юношей и старым гуру. Нарен ненавидел все формы сентиментального благочестия, слезы и все, что он считал женственным. Нарен подвергал все обсуждению. Он вникал во все своим критическим умом. Он единственный взвешивал каждое слово Рамакришны, единственный сомневался в его словах. Не чувствуя себя оскорбленным, Рамакришна любил его за это еще больше. До его встречи с Нареном слышали, как он молился:

«О, Мать, дай мне кого-нибудь, кто бы подверг сомнению мое познание Бога».

Мать исполнила его желание. Нарен отрицал индусских Богов. И в то же время он отбрасывал Адвайтизм, который считал атеизмом. Он открыто насмехался над велениями индусских писаний. Он говорил Рамакришне:

- Хотя бы тысячи людей называли вас Богом, я этого не скажу, пока сам не буду иметь доказательства.

Рамакришна, смеясь, соглашался с ним. Он говорил ученикам:

«Не принимайте ничего потому только, что я это сказал. Испытайте все сами».

Нарен пробыл с Рамакришной пять лет, сохраняя при этом жилище в Калькутте. Он приходил в Дакшинешвар раз или два раза в неделю и иногда проводил несколько дней у учителя. Если он отсутствовал неделю, Рамакришна посылал за ним.

Ожесточенная критика Нарена, его страстные споры приводили Рамакришну в восторг. Он был полон уважения к этой горячей искренности ума, к этой бешеной погоне за правдой. Он в этом видел проявление могущества Шивы, которое в конце концов возвышается над всеми иллюзиями. Он говорил:

- Смотрите, смотрите, какая проникновенная сила. Он - ревущее пламя, которое уничтожает все

нечистое. Сама Маха Майя (то есть Майя Великая, великая Иллюзия, Мать) не может приблизиться к нему больше, чем на десять шагов; ее держит в отдалении слава, которую она ему передала...

Ученость Нарена доставляла ему такую радость, что она порою переходила в экстаз.

Но минутами жестокая, беспощадная критика заставляла обливаться кровью сердце старого учителя. Нарен говорил ему в глаза:

Что вы знаете о ваших единениях с Богом? Не являются ли они причудами вашего больного мозга, галлюцинациями?

16. Рамакришна о грехе

На все вопросы тысяч богомольцев Рамакришна отвечал с неиссякаемым терпением и с чарующей теплотой, не теряя связи с глубинами действительности и не давая ничему из ежедневных перемен в делах и людях ускользнуть. Он умел в одно и то же время наслаждаться, как ребенок, и судить, как мудрец. И эта совершенная непринужденность, смеющаяся, любящая, проникновенная, которой ничто человеческое не было чуждо, и составляла его обаяние. Конечно, такой отшельник весьма отличался от отшельников нашего христианского мира. Если он постигал все страдания, если он сливался с ними, они растворялись в нем; ничего мрачного, ничего сурового не произрастало на его почве. Этот великий очиститель, который умел своей снисходительной улыбкой и взором, свободным от иллюзий и тревог, смотревшим в самую глубину, освободить душу от пелены и омыть ее от грязи, человек, сделавший из Гириша святого, не допускал существования в воздухе прекрасных садов, напоенных дыханием роз и жасминов, - больной идеи постыдного греха, который для покрытия своей наготы непрестанно прикасается к ней и привязывается к ней мыслью. Он говорил:

«Некоторые христиане и индусы видят всю религию в понятии о грехе. Их идеалом благочестия является тот, кто молит: "О Господи, я грешник, удостой, отпусти грехи мои!". Они забывают, что понятие греха отмечает только первый и низший этап духовности... Люди не отдают себе отчета в силе привычки.

Если вы будете вечно говорить - "я грешник", вы останетесь грешником навсегда. Вы должны повторять: "Я не скован, я не скован... Кто мог сковать меня? Я сын Бога, царя царей". Пусть действует ваша воля, и вы будете свободны. Дурак, говорящий непрестанно "Я раб" - кончает тем, что на самом деле становится рабом. Несчастный, говорящий без устали: "Я грешник", становится грешником на самом деле. Но человек свободен, если он говорит: "Я свободен от рабства мирского. Я свободен. Разве Господь не отец наш? Рабство - от духа, свобода - тоже от духа..."».

Он вдыхал в окружающих дыхание радости и свободы. И оцепенелые души, над которыми тяготело изнеможение тропического неба, расправляли свои увядшие лепестки. Самым усталым он говорил: «Пойдут дожди, потерпите. Вы опять, зазеленеете...».

Он сказал еще одно великое слово, которое я хотел бы видеть записанным в сердцах всех верующих: «Бог никогда не может явиться там, где находятся стыд, ненависть и страх».

17. Собрания-Беседы

Это был приют освобожденных душ, тех, которые ими уже были, тех, которые ими будут (время ничего не значит в жизни)... По воскресеньям собрания часто принимали характер маленьких празднеств - санкиртан. В

обычные дни беседы с учениками никогда не превращались в доктринерские поучения. Не поучения, а только практика, приспособленная к каждому уму, к каждому случаю жизни, чтобы освободить самую сущность каждого человека, оставляя при этом полную свободу его духу. Все средства были хороши, внутренняя сосредоточенность, так же как свободная игра ума, краткие экстазы, как и остроумные притчи; веселые рассказы и наблюдательность острых и насмешливых глаз, комедия вселенной.

Учитель, сидя на маленькой кровати, слушает признания учеников, он принимает участие в их личных заботах, в их семейных делах; он любовно подбадривает покорного Иогананду, он натягивает узду на неистового Вивекананду, он шутит над спиритизмом суеверного Ниранджаны, он любит дать побегать этим молодым, вырвавшимся цыплятам и бросает в пылу страстного спора глубокое, насмешливое замечание, которое разъясняет вопрос и выводит их на правильную дорогу; он умеет одним словом вернуть к точной мере слишком малое и слишком большое, возбудить спящий разум и окатить водой избыток рвения. Его глаза останавливаются незаметно на целомудренном лице его «святого Иоанна», Премананды (Бабурама),

на одном из тех, кого он причисляет к *нитьясиддхам* - к чистым от века и совершенным еще до их рождения, к тем, кем не надо руководить; они сверкают иронией, когда он слышит о пуританских причудах, о которых он говорит:

- Чрезмерная забота о чистоте становится бичом. Люди, подверженные этой болезни, не имеют уже времени думать ни о людях, ни о Боге.

Он отстраняет новообращенного от ненужных и опасных обрядов опытных йогов. К чему рисковать здоровьем и жизнью, когда достаточно открыть глаза и сердце, чтобы на каждом шагу встретить Бога?

- Арджуна призывал Шри Кришну как Абсолют... Кришна сказал ему: «Приходи посмотреть, каков Я. Он привел его на определенное место и спросил его: «Что ты видишь?». - «Большое дерево, - сказал Арджуна, - грозди висящих ягод». - «Нет, мой друг, - сказал Шри Кришна, - приблизься и посмотри хорошенько: это не спелые плоды, а бесчисленные Шри Кришны...».

Рамакришна как-то сказал своим ученикам:

«Эти обряды не для нашего времени. В наш железный век Кали человеческие существа очень слабы, и жизнь их очень коротка. Они не имеют времени предаваться им без большой опасности. Это совсем и не нужно. Эти обряды не имеют другой цели, кроме сосредоточения духа, а оно легко достигается благочестивым размышлением. Милость Господня облегчила дорогу к познанию Бога. Нужно только перенести на Него силу любви, которую мы расходует на окружающие нас существа».

Нарен сам испытал то, что возвестил ему Рамакришна, - «что живая вера может быть передана и принята более осязаемо и реально, чем любая вещь в мире». Уверенность Рамакришны была так стойка и

сильна, что самые резкие противоречия этих молодых людей заставляли его улыбаться. Он был уверен, что противоречию эти рассеются, как утренний туман на полуденном солнце. Когда Калипрасад направлял на него поток отрицаний, Рамакришна спрашивал:

- Мой сын, веруете ли вы в Бога?

- Нет.

- Веруете ли вы в какую-нибудь религию?

- Нет, ни в Веды, ни в какое-либо писание. Я не верю ни во что духовное.

Снисходительный учитель отвечал:

- Мой сын, если бы вы это сказали другому гуру, как бы он вас принял? Идите с миром. Другие так же, как и вы, прошли через эти треволения. А теперь - посмотрите на Нарена. Он верит. Ваши сомнения будут также разрешены. Вы будете верить.

И Калипрасад стал впоследствии святым апостолом, *абхеданандом*.

Множество высокообразованных людей, скептиков, агностиков было сильно задето этим маленьким человеком, который говорил самые простые слова на своем языке простолюдина, но существо которого проникало своим внутренним огнем до самой глубины души. Ему не нужна была исповедь своих посетителей.

«Глаза, - говорил он, - зеркало души».

Он сразу читал сквозь них. Среди толпы он прямо шел к стыдливо прячущемуся посетителю, он пальцем касался сомнения или беспокойства, тайной раны. Никаких поучений. Никакого душевного смятения. Никакой печали. Слово, улыбка, прикосновение руки давало покой, безымянное счастье, по которому изнываешь. Рассказывают, что молодой человек, на котором остановился его взгляд, целый год оставался в экстазе и только повторял:

- Господь, Господь. Мой любимый, мой любимый!

Учитель все прощал, веря в бесконечное добро. И читая в некоторых из тех, кто просил у него помощи, что эти несчастные не достигнут в этой жизни Бога, которого ищут, он хотел передать им, по крайней мере, предвкушение блаженства.

Ни одно слово не было у него только словом; все было действием, все было бытием.

Он говорил:

- Не говорите о любви к вашему брату. Любите. Не рассуждайте о доктринах и о религиях. Есть только одна. Все реки текут в океан. Идите и дайте дорогу другим. Большая река прокладывает себе вдоль склона соответственно народам, времени, душам - различное русло. Это та же вода... Идите. Теките к океану.

Порыв радостно струившейся воды передавался всем душам. Он был порывом, склоном, течением, и к его реке сбегались другие речки и ручьи. Он был Гангой.

18. Река возвращается в море

Он приближался к океану. Приходил конец. Его слабое тело, почти ежедневно сжигаемое огнем экстаза, изнурялось постоянным принесением себя в жертву изголодавшейся толпе. Иногда он жаловался Матери, как капризный ребенок, на потоки пришельцев, поглощавшие его и днем и ночью. На своем языке юмориста он говорил ей:

- Зачем приводишь ты сюда всех этих людей, подобных молоку, разбавленному пятикратным количеством воды? Мои глаза испортились, так долго я раздувал огонь для того, чтобы вода испарилась. Я потерял здоровье. У меня нет больше сил. Сделай со мной, что хочешь... Это (он указывал на свое тело) теперь лишь прорванный барабан. И если ты будешь бить по нему днем и ночью, сколько времени прослужит он еще?

Но никогда он никому не отказывал. Он говорил:

- Пусть я буду осужден родиться еще и еще раз, даже в виде собаки, только бы я мог быть полезен хотя бы единой душе.

Он говорил также:

- Я отдал бы двадцать тысяч тел таких, как мое, чтобы помочь одному человеку. Чудесно помочь хотя бы одному.

Он упрекал себя за экстазы, отнимавшие у него часть того времени, которое он должен был давать другим.

- О Мать, не давай мне наслаждаться ими. Пусть я буду всегда в нормальном состоянии, чтобы иметь возможность быть более полезным миру.

19. Свами Вивекананда

11 сентября 1893 года в Чикаго открылся Парламент религий - часть Всемирной выставки в ознаменование четырехсотлетия открытия Америки. По мысли организаторов, выставка замышлялась как смотр «достижений прогресса за четыре столетия, следовательно, было бы столь же неправомерно исключить из нее Религию, сколь и Образование, и Искусство, и Электричество».

К участию в Парламенте религий были приглашены представители основных вероисповеданий мира.

Вначале Парламент не очень-то вызвал интерес у публики, но стал сенсацией после того, как на нем выступил никому дотоле неизвестный индус по имени Свами Вивекананда.

В американской прессе особо подчеркивалось, что каждый из участников Парламента говорил о своей вере и один только Вивекананда сказал о Боге, который выше всех человеческих представлений о Нем и потому может считаться Богом всех людей, независимо от религиозной принадлежности.

Вивекананда говорил: «Как воды множества рек, каждая из которых имеет свой исток, смешиваются в океане, так и пути, кажущиеся прямыми или извилистыми, избираемые людьми в силу их склонностей, все ведут к Богу: «Кто бы, в какой форме ни искал Меня, Я достигну для всех. Все идут путями, в конце ведущих ко Мне».

На заключительной сессии Свами Вивекананда, отмечая, что Парламент наглядно показал всему миру -

«святость, чистота, милосердие не являются исключительным достоянием одной какой-то религии: любая вера возвращает мужчин и женщин возвышеннейших качеств».

Бог един - человек чтит Его во многих образах.

По сути дела, американские выступления Вивекананды впервые привели Запад в соприкосновение с живой духовной мыслью Индии - не в рамках академических интересов, не на уровне индо-европейского языкознания, этнографии, культурологии.

По-своему Америка была уже подготовлена для восприятия проповедей Вивекананды трудами трансценденталистов: Эмерсона, Торо и их единомышленников, искавших в восточной традиции противовес «деградирующему вплоть до варварства благоденствию». Большую степень приближенности к этой традиции, к индийскому взгляду на мир обнаруживает и поэтическая философия Уолта Уитмена - это отмечает и Вивекананда.

Забегая вперед, нужно сказать, что Вивекананда оказал весьма сильное влияние на западных писателей: Ромен Роллан, Олдос Хаксли, Кристофер Ишервуд, Герман Гессе и ряд других считали себя его последователями.

Воздействие трансценденталистов на интеллектуальную Америку не шло ни в какое сравнение с волной массового интереса, поднятой выступлениями и публичными лекциями Вивекананды.

Он привлекал всеобщее внимание - молодой - ему в тот год исполнилось тридцать, - традиционное монашеское одеяние шафранного цвета, превосходный английский язык.

Его настоящее имя - Нарендранатх Датта: Вивеканандой он станет после принятия монашеских обетов. Он вырос в очень благополучной семье калькуттского адвоката, получил прекрасное образование. В колледже

увлекался западной философией, его кумирами были Джон Стюарт Милл и Герберт Спенсер. Молодой Вивекананда был спортивен и музыкален, обладал хорошим голосом, любил петь.

Что касается его религиозных воззрений, то, как многие его сверстники, он интересовался деятельностью Брахмасамаджа, движения, искавшего способ соединить индуизм, освобожденный от излишней обрядовости и суеверий, с христианством. Это было движение более реформаторское, нежели религиозное, а потому достаточно рационалистическое.

Вивекананде исполнилось восемнадцать, когда произошла его первая встреча с Рамакришной - и его вначале испугало и оттолкнуло то, что он принял за избыточную эмоциональность мистика.

Рамакришна же с первого взгляда распознал в юноше натуру, сходную со своей собственной, а услышав, как тот поет, погрузился в *самадхи* - глубокий транс. Рамакришне было ясно то, что Вивекананде еще придется понять и признать Учителя - к нему пришел ученик, которого он давно ждал, тот, который в одном видении предстал Рамакришне как божественная эманация, более высокая, чем его собственная, и призвать которого к людям для их же спасения он считал своей личной миссией. На него он возложит, почти что помимо его желания, обязанность действовать в мире и «облегчить страдания смиренных и бедных».

Если личность Вивекананды, хоть и не без усилий, но все же поддается нашему пониманию, а к его жизни и делам приложимы те одномерные способы классификации, без которых европейцы и американцы чувствуют себя в растерянности - религиозный реформатор, просветитель и пр., то как быть с Рамакришной - человеком, который воспринимал Бога органами чувств?

Его трудно описать так, чтобы не вызвать скептической усмешки одних и многословного оккультного восторга других. Можно только процитировать автора превосходной книги «Рамакришна и его ученики» английского писателя Кристофера Ишервуда: «Я прошу вас отнестись к Рамакришне с непредубежденной любознательностью, какую вы бы проявили в отношении всякой неординарной личности, будь то Юлий Цезарь, Катерина Сиеннская, Леонардо да Винчи, Артур Рембо. Постарайтесь, насколько это в ваших силах, отделаться от категорий: святое - грешное, разумное - безумное, чистое - нечистое, позитивное - негативное. Просто скажите себе - бывают и такие люди».

Многие, в том числе и Вивекананда, считали Рамакришну воплощением Бога.

После кончины Рамакришны его ученики во главе с Вивеканандой приняли обет санньяси - отречения от мира как знак начала новой жизни, взяли себе новые имена и все вместе поселились в скромной обители. Впрочем, скоро они разошлись по Индии как странствующие монахи.

Вивекананда странствовал по всей Индии - он чуть не полстраны исходил пешком - подтолкнули к мысли о необходимости действия, заставили размышлять над тем, что позднее он станет называть «практической духовностью». Он никогда не низводил религию до уровня инструмента социальных реформ, но никогда не забывал и слов Рамакришны: религия - не для пустых желудков.

Вивекананда пришел к осознанию того, что Индия, изнуренная рабством, колониальной изоляцией, замкнувшей ее в себе, нуждается в западном знании, которое поможет ей прорваться к свободе, но западное знание она должна получить в соединении с собственной духовностью. Не менее остро нуждается и

Запад в индийской духовности - для спасения от монстра чистой технократии.

Так начинался путь Вивекананды, ученика Рамакришны, к сопряжению ценностей восточной и западной цивилизаций - со временем этим путем пойдут передовые умы человечества.

И так закладывались основы Миссии Рамакришны - сочетание монастырей с сетью школ, колледжей, больниц, общедоступных библиотек, профессиональных училищ и прочего. Но центром всего остаются монастырские ашрамы.

Сегодня лучшими школами, колледжами и больницами в Индии по праву считаются рамакришнов-

ские, сегодня учению Рамакришны следуют десятки миллионов человек - как в Индии, так и за ее пределами, где в разных странах действуют около сотни центров Миссии Рамакришны.

Сам того не ведая, Вивекананда положил начало некоему подобию религиозной «реконкисты»: восточные культы со стремительностью степного пожара распространяются по тем самым странам, откуда христианские миссионеры некогда направлялись обращать язычников в истинную веру.

Но индуизм не прозелитирующая религия - строго говоря, обращение в индуизм немислимо, человеческая особь должна приобрести определенную структуру души, прежде чем человек родится индусом, и опять-таки от структуры души зависит, в какой касте он родится. В «Вишну-пуране» сказано: великое множество раз рождаясь и умирая, накопив добродетели без числа, рождается человек *брахманом* в Индии.

Задача Вивекананды заключалась в ином - в том, чтобы раскрыть Западу индийскую философию жизни, которую он рассматривал как «науку быть и становиться», в чем он видел основу грядущего объединения и развития человечества.

Заключение. Мой Учитель*

«Каждый раз, когда добродетель слабеет и торжествует порок, Я являюсь на землю, чтобы помочь человечеству», - говорит Кришна в Бхагавад-гите. Когда этот наш мир, благодаря своему росту, благодаря новым обстоятельствам, требует известного переустройства, поднимается в нем волною сила; и так как человек действует в двух областях, духовной и материальной, то и эти волны проходят в обеих областях. В области материальной в последнее время впереди стояла Европа, Азия же идет впереди с незапамятных времен в области духовной. В наше время человек нуждается в известном духовном переустройстве; в наше время, когда материалистические идеи достигли в своем развитии необычайной силы, когда человек почти совсем забыл, по-видимому, свою божественную природу, благодаря все растущей зависимости своей от материи, и скоро, по-видимому, должен превратиться в простую машину для делания денег, в наше время, я говорю, должна быть произведена перемена в духовной области, и сила для этого Уже народилась, идет, уже зазвучал голос, который разгонит надвигающиеся со всех сторон тучи материализма и в недалеком будущем заставит человечество вспомнить о своей действительной природе, о своем истинном назначении. И снова, как всегда, местом, откуда выйдет эта сила будет - АЗИЯ. Как похожи

* Речь, произнесенная Свами Вивеканандой в обществе «Веданта» в Нью-Йорке.

люди на детей! Ребенок уверен, что вся вселенная только и думает, что о его кукле, только и желает, чтобы обладать этим «сокровищем». Так и европейские нации уверены, что их богатства и всякие успехи в области материальной - все, о чем только и мечтает мир, что именно это и является прогрессом, цивилизацией и что, если есть народы, лишенные всего этого и совсем об этом не заботящиеся, то народы эти совсем не пригодны для жизни, что их жизнь бесполезна. Но, с другой стороны, другие народы могут думать, что вся эта чисто материалистическая цивилизация совершенно ни на что непригодна. С Востока уже был однажды слышен Голос, поставивший миру вопрос: если человек приобретет себе все, что есть под солнцем, а душу свою потеряет, какая в том польза?

Для человека с Востока мир духовный так же реален, как реален мир чувственный, материальный для человека с Запада; в духовном мире Восток находит все, что ему нужно, все, на что он возлагает надежды. В глазах Запада человек Востока - мечтатель, а в глазах Востока мечтатель - человек Запада, мечтатель, тешащий себя всякими игрушками, то одной, то другой; Востоку смешно, что эти взрослые люди считают за нечто важное горсть праха, с которой не сегодня, так завтра они должны будут расстаться.

Машины не сделали людей более счастливыми и никогда не сделают. Счастье не в машине, а в душе человека. А это могущество машин, что оно такое в конце концов? Почему человек, умеющий направить по проводам электрический ток, должен считаться очень великим, очень умным человеком? В природе каждое мгновение совершаются явления в миллион раз более великие. Почему же тогда не пасть на колени и не поклониться, не боготворить Природу? И что в том, если бы вашей власти подчинился весь мир, если бы вы покорили каждый атом во вселенной?

Это не сделает вас счастливым, если вы не обладаете способностью быть счастливым в себе, если вы не покорили себя. Человек рождается, чтобы покорить природу, это справедливо, но Запад под «природой» разумеет лишь физический, внешний мир. Справедливо, конечно, что эта внешняя природа, со всеми ее горами, океанами, реками, с ее бесконечными силами, с ее бесконечным разнообразием, - величественна, но есть мир еще более величественный, это - внутренний мир человека, более высокий, чем это солнце, звезды, земля и вся эта физическая вселенная, мир, не вмещающийся в узкие рамки наших личных маленьких жизней. И в этом внутреннем мире человек Востока - свой, точно так же, как человек Запада - свой в мире внешнем. Поэтому если Востоку понадобится выучиться, как делать машины, он должен прийти за этим к Западу, но если Запад захочет узнать, что такое мир духовный, что такое Бог, что такое душа человека, узнать, в чем тайна и смысл мира, он должен сесть у ног Востока и слушать. И так как мир нуждается теперь в известном духовном перерождении, то вполне естественно, что силу для этого даст ему Восток...

Я хочу рассказать вам о жизни одного человека, который поднял одну из таких волн в жизни Индии; но прежде чем говорить вам об этом человеке, я попытаюсь раскрыть перед вами тайну Индии, дать понять, что значит Индия. Если едет в Индию человек, ослепленный шумом и блеском вещей мира материального, вся жизнь которого в том, чтобы есть, пить и наслаждаться, идеал которого в том, чтобы захватить себе как можно больше земель и золота, чье наслаждение только в удовлетворении чувств, чей Бог - деньги, чья Цель - удобная и легкая жизнь в этом мире, а потом - смерть, ум которого никогда не направляет своего полета вверх, который никогда не думает ни о чем другом, кроме как о внешних предметах, среди которых он живет - если такой человек поедет в Индию, что

увидит он там? Только грязь, нищету, суеверие, невежество и - безобразие всюду. Почему? Потому что в то время как народы Запада напрягали свои силы для того чтобы улучшить свое материальное положение, Индия стремилась к иной цели. Там, в Индии, живет огромный народ, единственный во всей истории человечества, который никогда не выходил из пределов своей страны для того чтобы завоевать другие народы; который никогда не желал себе того, что принадлежало другому, и единственный грех которого был в том, что страна его плодоносна и что, благодаря живому уму и тяжкому труду в поте лица, он достиг цветущего благосостояния и тем привлек к себе внимание других народов, которые пришли и ограбили его. И он удовлетворился тем, что его ограбили и что его же назвали за это народом варварским и в ответ на все это он хочет показать миру Единого Великого, открыть ему тайны человеческой природы, поднять завесу, за которой скрывается истинный человек, потому что знает Индия эти дивные грезы, знает, что за всем этим материализмом живет истинная божественная природа человека, которую не может осквернить никакой грех, никакое преступление, не может убить никакая похоть, которую не уничтожает смерть и для нее, для Индии, эта истинная природа человека так же реальна, как для Запада какой-нибудь предмет из мира материального. Люди Запада имеют мужество броситься с криком на пушки неприятеля, во имя патриотизма восстать и отдать свою жизнь за родину; точно такое же мужество имеет и Восток, но мужество во имя Бога. Там, когда человек придет к заключению, что мир этот - призрак, что эта жизнь - сон, он сбрасывает с себя и одежду, и все, что он имеет, чтобы показать, что то, во что он верит, о чем думает - истина. Когда человек познает, что жизнь вечна, он сидит, погруженный в созерцание, на берегу реки, всегда готовый

отдать свое тело, как ничтожный пустяк, так, как вы готовы отдать ненужную вам соломинку. В этом заключается их мужество, их героизм, в этой готовности встретить всегда смерть, как брата, потому что они убеждены, что смерти для них нет. В этом лежит та их сила, которая сделала их непобедимыми в течение столетий угнетения, иноплеменных вторжений, иноплеменной тирании. Народ этот, несмотря на все, живет и поныне, и среди него, даже во дни величайших бедствий, никогда не переставали подниматься гиганты духа... В начале XIX столетия, когда в Индию начали проникать западные влияния, когда западные завоеватели, с обнаженной саблей в руке, пришли доказать детям мудрецов, что те - дикари, племя мечтателей, что религия их простое суеверие, что Бог, душа и все, за достижение чего они боролись, просто слова, лишены всякого смысла, что тысячи лет этой борьбы, тысячи лет бесконечного самоотречения ни к чему не привели, - среди индусской университетской молодежи возник и стал живо обсуждаться вопрос; не была ли вся жизнь великого народа ошибкой, не должен ли он начать жизнь сызнова, на европейском лад, изорвать все старые книги, сжечь писания мудрецов, прогнать проповедников и разрушить свои храмы. Разве не говорят люди Запада, доказывающие свою религию мечом и пушками, что все это суеверие и идолопоклонство? Дети, воспитываемые и обучаемые в новых английских школах, с малых лет пропитывались этими идеями и поэтому нечего удивляться возникновению этих сомнений. Но вместо того, чтобы отбросить суеверия и серьезно заняться поиском истины, они взяли мерилom истины вопрос: «А что скажет Запад?». Долой жрецов, сожжем Веды, потому что так говорит Запад! И чувство беспокойства охватило страну, и начались так называемые «реформы».

Если вы хотите быть истинным реформатором, необходимы три вещи. Первое - чувствовать. Действительно ли вы чувствуете, что готовы все сделать для ваших братьев? Действительно ли вы чувствуете, что в мире так много нищеты, невежества, суеверия? Действительно ли вы чувствуете, что люди - ваши братья. Действительно ли охватила, пропитала эта идея все ваше существо, бежит в вашей крови, наполняет каждый атом вашего тела? Если вы это все чувствуете, это будет только первым шагом. Затем вы должны подумать, есть ли у вас средство излечить все эти бедствия. Старые понятия мира могут быть суевериями, но во всей этой массе суеверий рассыпаны повсюду бесценные самородки золота истины. Нашли ли вы средство удержать это золото, отбросив весь мусор? Если нашли, это будет вторым шагом и останется еще одна необходимая вещь. Что побуждает вас действовать? Какой ваш мотив? Твердо ли вы убеждены, что это не жажда наживы, не жажда славы, не стремление властвовать? Действительно ли вы убеждены, что будете защищать ваши идеалы и продолжать вашу работу, если бы даже целый свет обрушился, чтобы раздавить вас? Действительно ли вы уверены, что вы знаете, чего хотите, и исполните свой долг, и только долг, хотя бы ценою жизни? Уверены ли вы, что будете биться до последнего дыхания? Да? Тогда вы истинный реформатор, вы учитель, вы благословение для человечества! Но человек так нетерпелив, так близорук! У него нет терпения ждать, нет способности видеть впереди. Он хочет управлять всеми, он хочет немедленных результатов. Почему? Потому что ему хочется пожать плоды самому, потому что на самом деле он не заботится о других. Долг для долга - этого он не хочет. «Работать вы имеете право, но нет у вас права на плоды труда», - говорит Кришна. Зачем так держаться за результаты? Наше -

это обязанности. А результаты пусть сами о себе позаботятся. Но у человека нет терпения, он придумал что-нибудь и сейчас же ему подавай результаты... И большее число так называемых реформаторов по всему свету таково... Таковы были они и у нас...

Казалось, что поднявшаяся волна материализма, обрушившаяся на берега Индии, вот-вот смоем древние учения мудрецов. Но народ вынес удары уже тысяч таких переменных волн. Эта волна была еще не велика, мягка сравнительно с другими.

Индусский народ не был и не может быть уничтожен до тех пор, пока он не оставит своих идеалов, пока не перестанет быть духовным. Нищим он может остаться, останется, может быть, навсегда эта грязь, это безобразие - пусть только он не забывает своего Бога, пусть не забывает своих Мудрецов. Как на Западе всякий метельщик старается довести свою родословную до какого-нибудь средневекового разбойника-барона, так на Востоке всякий царь ищет среди своих предков какого-нибудь нищего-мудреца, жившего в лесах, питаюсь лесными плодами и созерцаая Бога. Вот каких предков хотим мы, и пока святость так почитается народом, Индия не может умереть.

И вот, когда в Индии приступили к реформам всякого рода, в одной из глухих деревень Бенгалии в бедной *брахманской* семье родился 18 февраля 1836 года ребенок. Родители его были из самых правоверных. Жизнь истинно правоверного *брахмана* - это одно сплошное самоотречение. Заниматься, по закону, он может далеко не всяким делом, а особенно он не может отдаться какому-нибудь светскому делу. В то же время он не должен принимать ни от кого приношений. Можно себе представить, как сурова бывает иногда жизнь в таких условиях. Но при всей их бедности жена *брахмана* никогда не позволит пройти бедному путнику деревней без того чтобы не накормить его. Это считается в Индии самой высокой обязанностью

всякой матери семейства и, так как она мать, она ест всегда последней в доме, только тогда, когда накормит всех. Поэтому-то на мать и смотрят в Индии как на Бога. И мать ребенка, о котором мы говорим, и была именно такой матерью. Чем выше каста, тем больше всякие ограничения. Люди, принадлежащие к низшей касте, могут есть и пить все, что угодно, по мере того, как человек поднимается по общественной лестнице все выше и выше, он подвергается все большим и большим ограничениям, и жизнь высшей касты, *брахманов*, как я уже сказал, очень стеснена во всем. Если сравнить их жизнь с жизнью людей Запада, то их жизнь будет постоянным аскетическим подвигом.

Правоверные индусы живут целиком в мире своей мысли, своих чувств. Всякая мелочь их жизни предусмотрена нашими древними книгами и за всякую мелочь они держатся с твердостью гранита. Эта сила веры и религиозной жизни часто встречается среди правоверных индусов, потому что сама правоверность эта происходит из непоколебимого убеждения, что все это истинно. Мы свободны думать, что не все, за что они держатся так крепко, истинно, но для них-то это так. В наших древних книгах говорится, например, что человек должен быть милосердным до самых последних пределов; если человек умрет с голоду, чтобы помочь другому человеку, чтобы спасти его жизнь, прекрасно, именно так и должен поступать человек, говорят правоверные. И от всякого *брахмана* ожидают, что в случае надобности он исполнит эту заповедь до конца. Те, кто знаком с литературой Индии, вспомнят, вероятно, прекрасную древнюю историю, рассказанную в Махабхарате, историю именно о таком милосердии, о том, как целая семья, чтобы накормить нищего, отдала ему последнее, а сама вся умерла с голоду. Это не преувеличение, это случается и теперь, в наше время.

Таковы были и родители моего Учителя, ребенка, о котором идет речь. Они были очень бедны, и все же часто мать голодала по целым дням, чтобы помочь бедному прохожему. Отец его умер, когда ребенок был еще совсем маленьким. Он поступил в школу - *мальчик-брахман* должен учиться, так как каста его позволяет ему лишь ученые профессии. Ученики не платят за обучение ничего: знание считается священным и человек не может торговать им. И учителя не только не берут с учеников никакой платы, но многие даже снабжают их пищей и одеждой; средства эти даются учителям зажиточными семьями по случаю каких-нибудь крупных семейных событий, вроде брака или смерти кого-либо из членов семьи. У мальчика, о котором я говорю, был старший брат, ученый наставник; к нему-то и отдан был мальчик на воспитание. Спустя некоторое время юноша пришел к убеждению, что цель светского обучения - только известные материальные выгоды, и поэтому он решил бросить все это и посвятить себя приобретению духовных знаний. Отца уже не было, семья была очень бедна, и юноша должен был сам заботиться о своем пропитании. Он поселился в окрестностях Калькутты и сделался жрецом при храме, что для *брахмана* считается очень позорным.

Храмы в Индии воздвигаются большей частью богатыми людьми, это считается добрым религиозным делом. Выстроив храм, строитель помещает в нем символ или изображение одного из Воплощений Божества, предназначая его для поклонения во имя Бога. Поклонение это очень похоже на богослужение, совершаемое в католических церквях, на мессу: чтение известных мест из священных книг, хождение перед изображением, оказывание ему знаков всякого уважения, как оказываем мы их какому-либо великому человеку. Это все, что происходит в храме.

Но человек, который посещает храмы, у нас отнюдь не считается лучше человека, который никогда не бывает в них. Религия в Индии - личное дело каждого человека, и поклонение Богу происходит всегда вдали от людей, дома. Стать жрецом при храме считается с незапамятных времен в нашей стране унижительным: дело в том, что жрецы берут с народа деньги, как бы торгуют святыней, а на это смотрят еще более строго, чем на торговлю знанием, на взимание платы с учащихся. Таким образом легко можно представить себе, как тяжело было юноше, когда он был вынужден из-за бедности занять единственное доступное ему, благодаря обычаю, положение, - место жреца при храме.

В Бенгалии было немало поэтов, песни которых проникли в народ; их можно слышать и на улицах Калькутты, и во всякой деревне. Большой частью это религиозные песни, и единственная, основная мысль их, быть может, более свойственная религии Индии, чем другим; мысль о, так сказать, реализации Бога, о Его осуществлении, воплощении человеком в своей жизни. Нет ни одной книги в Индии, которая не была бы проникнута этой идеей. Человек должен реализовать, осуществить Бога, чувствовать Бога, видеть Бога, беседовать с Богом. Это и есть религия. Индия полна рассказами о святых людях, лицезревших Бога. Они в наших священных книгах говорят, что лицезрение Божества доступно даже в этой жизни, доступно всякому, и религия и начинается только с приобретения этой способности, если можно так выразиться.

В храме, как всегда, было изображение Божеств. Юноша должен был совершать богослужение перед этим изображением каждое утро и каждый вечер, вот понемногу им овладела, переполнила все его существо одна мысль: «Есть ли что-нибудь за этим изображением? Верно ли, что есть в мире Бог? Правда

ли, что Он есть, что Он руководит вселенной, или же все это только выдумка? Есть ли в религии, что-нибудь реальное?». Эти сомнения овладевают в молодости почти каждым индусом, это сомнения всей страны: нужно ли, реально ли то, что мы делаем? Теории не удовлетворяют нас, хотя все, что только можно сказать о жизни, душе, Боге, тут же, рядом, в наших древних книгах. Но ни книги, ни теории, повторяю, не удовлетворят нас - единственная мысль, овладевшая народом, это мысль о реализации, об осуществлении Бога. Правда ли, что есть Бог? И если Он есть, могу ли я лицезреть Его? Могу ли я осуществить в своей жизни высшие истины? Для Запада все это может казаться пустяками, но у нас люди приносят в жертву этой идее свои жизни. Ради этой идеи каждый год тысячи индусов бросают свой дом, семью, и многие умирают под тяжестью добровольно взятых на себя лишений при осуществлении подвига.

Западному уму все кажется пустым мечтанием, и я могу понять эту точку зрения Запада. Но, прожив сам на Западе несколько лет, я все же остаюсь при мысли, что в этом - в этой идее - ВСЕ, что есть действительного, истинного в жизни. Жизнь ваша - это миг, поденщик ли вы или император, царствующий над миллионами. Жизнь эта - только миг, обладаете ли вы самым цветущим здоровьем или больны. И разгадка жизни только одна, говорит индус, и разгадка эта - религия, Бог. Это объясняет жизнь, и жизнь становится легкой и радостной. Без этого же жизнь - лишь ненужная тягота. Вот наша мысль. Но никакие рассуждения не могут доказать ее; они могут лишь показать в известной степени, что это так, и на этом они останавливаются. Факты только в чувствах, и мы должны почувствовать религию, чтобы доказать ее себе. Мы должны чувствовать Бога, чтобы быть убежденными, что Бог есть. Ничто и никто,

кроме нас самих не может сделать это ясным и доступным для нас.

Эта идея овладела юношей, и вся его жизнь сосредоточилась теперь на ней. Целые дни он только и думал, и повторял со слезами: «правда ли что Ты существуешь, Боже, или же Ты - лишь красивая выдумка?». Он был почти безграмотен, и тем естественнее, тем здоровее был его ум, тем чище была его мысль, не разжиженная чужими мыслями. И идея эта с каждым днем становилась перед ним все настойчивее и настойчивее, и скоро он был не в состоянии думать ни о чем другом. Он не мог более вести богослужение, как следует, не мог соблюдать обрядность во всех ее мелочах, иногда он забывал поставить перед священным изображением жертвенные приношения, иногда забывал кадить в течение всего дня, забывал все. В конце концов ему стало невозможно оставаться более жрецом. Он оставил свою должность и, удалившись в соседний лес, стал жить там. Рассказывая мне об этом периоде своей жизни, он не раз говорил, что он тогда не замечал ни восхода, ни захода солнца, не знал, как и чем он живет. Он совсем забыл о себе, забывал о пище. За ним в это время с любовью присматривал один из его родственников, который клал ему пищу в рот, и он механически проглатывал ее.

И так проходил день за днем. И когда наступал вечер и в лес долетали звуки вечерних колоколов в храме и молитвенное пение, глубокая печаль охватывала его. «Еще день прошел, о Боже, - тосковал он, - и Ты опять не пришел, еще один день этой короткой жизни прошел, и я не познал Истины». И в душевной муке он бросался лицом на землю и плакал.

Эта нестерпимая жажда Бога часто охватываемое человеческое сердце. В позднейшие времена человек этот говорил мне: «Представь себе, дитя мое, что в

этой комнате находится мешок золота, а в соседней - вор. Как ты думаешь, может ли вор спать? Нет, он не может. Он постоянно только и будет думать, как бы проникнуть в эту комнату и овладеть этим богатством. Думаешь ли ты, что человек, твердо убежденный, что за этим призрачным миром чувств есть действительность, что есть Бог, что есть Кто-то Вечный, Источник бесконечного блаженства, - блаженства, в сравнении с которым все чувственные удовольствия лишь жалкие игрушки, - думаешь ли ты, что такой человек может остаться спокойным, может хоть на мгновение остановиться в своих попытках достичь этого? Нет!.. Человек делается безумным от тоски...» И это Божественное безумие охватило тогда его. В то время у него не было никакого наставника, никого, кто бы мог помочь ему в исканиях, которые делали его в глазах окружающих сумасшедшим. Это обычное явление. Если человек отбрасывает от себя прочь тщету мирскую, мир зовет его сумасшедшим, но такие люди - соль земли. Именно из такого безумия исходила всегда сила, поднимавшая наш мир на высшую ступень, и только из такого безумия явятся в будущем силы, которым надлежит явиться.

И так проходили дни, недели, месяцы в постоянном стремлении души овладеть Истиной. Юноша начал видеть дивные, необыкновенные вещи, тайны его собственной природы начали раскрываться перед ним, - как будто одна завеса поднималась за другой. Само Божество стало его наставником и посвятило его в истины, которые он искал. В это время в те места приехала женщина, прекрасная собой и обладавшая огромными знаниями. В позднейшее время Святой имел обыкновение говорить, что она не обладала знаниями, а была само Знание, воплотившееся в человеческие формы. Она была санньясини - женщины также отрекаются у нас от мира, отказываются от всякой

собственности, от замужества и посвящают себя служению Богу. Прибыв туда, она услышала о необыкновенном юноше в лесу, отправилась к нему и это была первая помощь ему со стороны. Узнав о его страданиях, она сказала: «Сын мой, благословен человек, которого посещает такое безумие! Весь мир безумен: одни помешались на богатстве, другие на удовольствиях, третьи на славе и на тысяче других вещей. Блажен человек, безумный о Боге! Мало таких людей на земле...» Женщина эта оставалась вблизи юноши в течение нескольких лет, поучая его всем существующим в Индии формам религии, посвящая в различные способы, которыми йоги (посвященные) достигают высшего знания, и как бы направляя, делая гармоничной и стройной эту могучую реку духа...

Потом появился в том лесу один странствующий нищий, тоже санньяси, ученый человек, мыслитель. Он не верил в действительное существование внешнего мира, он думал, что это призрак, поэтому он никогда не входил в дома, а оставался всегда - в зной, и в бурю - под открытым небом. Он стал говорить юноше о философии Вед, но скоро, к своему удивлению, убедился, что ученик его знает не меньше его. Он провел с ним несколько месяцев, потом посвятил его в санньяси и ушел.

Родственники юноши думали, что его безумие пройдет, если тот обзаведется семьей. Иногда в Индии родители или родственники женят маленьких детей и молодежь, не спрашивая их о согласии. Этот юноша был поэтому женат родственниками в возрасте около восемнадцати лет на пятилетней девочке. Разумеется, эти браки всегда в сущности только простое обручение. Настоящий брак бывает лишь тогда, когда девушка достигнет зрелости; тогда, по обычаю, муж является за ней в дом родителей, у которых она живет до того времени, и берет ее к себе. В данном

случае муж совершенно забыл о существовании своей жены. Девушка - она жила очень далеко от того места - слышала о муже только, что он стал религиозным человеком; и что многие считают его сумасшедшим. Она захотела узнать правду и отправилась к мужу. Он сразу признал ее права на него, хотя в Индии всякий мужчина или женщина, посвящающие себя религиозной жизни, тем самым освобождаются: от всяких мирских обязательств. Молодой человек упал перед ней на колени и сказал: «Я узнал, что на всякую женщину я должен смотреть как на мать, но я в твоём распоряжении...»

Девушка эта была благородной, чистой душой, она понимала стремления мужа, сочувствовала им. Она отвечала ему, что не имеет никакого желания тянуть его назад, в мирскую жизнь, что все, что она хотела бы, это остаться возле него, чтобы служить ему и учиться у него. И она стала одной из наиболее преданных ему учениц, чья его всегда, как высшее существо. Таким образом, с согласия жены, последнее препятствие было устранено, и он мог свободно отдаться избранной им жизни.

И новое желание охватило его душу, - желание узнать все о других религиях. Он стал искать наставников, принадлежащих к этим религиям. Надо всегда помнить, что под наставниками в Индии мы всегда разумеем не буквоеда, но человека, улицезревшего, осуществившего Бога, человека, который узнал Истину из первых рук, а не столетия спустя. Он отыскал магометанина, известного своей религиозностью и святой жизнью, и поселился с ним. Он подчинился всему, что предписывал ему учитель, все испытал и к своему удивлению открыл, что если все исполнять Чистосердечно и так, как нужно, это может привести его к той цели, которой он уже достиг. К тому же заключению пришел он, исполняя заповеди истинного учения Христа. Он имел отношения со всеми

сектами, которые существуют в Индии, и всюду искал, всюду учился, отдаваясь делу всем сердцем. Он исполнял все, что в данной секте считалось нужным исполнять, и всюду и везде результат был один и тот же. Таким образом он на деле узнал, что цель всех религий одна, что все они учат одному и тому же, что вся разница лишь в методах и языке. В самой же сущности своей все религии, все секты преследуют одну и ту же цель.

С течением времени он пришел к заключению, что для того чтобы быть совершенным, нужно совсем освободиться от половой идеи, так как дух не имеет пола. Пол - принадлежность тела и человек, стремящийся к жизни духовной, не должен знать и видеть различий пола. Рожденный как мужчина, человек этот захотел как бы стать женщиной, он одевался как женщина, говорил как женщина, оставил все мужские занятия и жил постоянно среди женщин-родственниц, до тех пор, пока, благодаря годам такой дисциплины, его ум совсем не переменялся, пока он не забыл совершенно о самой идее пола.

На Западе поклоняются женщине, но поклоняются за ее молодость и красоту. Этот человек тоже поклонялся женщине, но потому, что всякая женщина была для него Благословенная Матерь, воплощение Божества. Я сам видел его стоящим на коленях пред женщинами, на которых с презрением смотрело все общество; он припадал к их ногам и со слезами говорил: «Мать, в одной форме я вижу Тебя на улицах, в другой Ты - сама вселенная. Приветствую Тебя, о Мать, приветствую Тебя!». Подумайте о блаженстве той жизни, из которой исчезло все плотское, когда всякое женское лицо становится преображенным и лишь лицо Божественной Матери, Блаженной Покровительницы человечества сияет для человека, который может смотреть на всякую женщину с такой

любовью и благоговением. Это нужно всем нам. Эта чистота необходима, если мы хотим достичь истинной духовности.

Этой строгой, незапятнанной чистоты достиг этот человек; борьба, которой мы часто подвергаемся в жизни, для него была завершена. В поте лица добытые перлы духа, на приобретение которых он отдал три четверти своей жизни, теперь можно было отдавать другим. Теперь началась его Миссия. Его проповедь была совсем особенной: он никогда не играл роли проповедника. В нашей стране наставник - уважаемое лицо, на наставника смотрят как на Самого Бога. Даже отец и мать не почитаются так, ибо они дают нам только тело, а наставник указывает нам Путь к спасению. Мы его духовные дети, мы духом приходим от него. Народ толпами стекался к Учителю со всех сторон. И он был таким Учителем, но Учитель этот никогда даже и не думал, должен ли он быть так чтим или не должен, он не знал, что он Великий Учитель; он думал, что все, что делал, делал не он, а через него делал Бог. Он всегда говорил: «Если я и говорю что-то доброе, это Бог говорит; я тут не причем». Так думал он о своей деятельности до самой смерти. Он никогда никого не искал. Его убеждение было: сперва сладь с собой, сперва достигни мира духовного, а результаты придут сами собой. Любимым его пояснением этой мысли было: когда цветок лотоса раскрывается, пчелы сами прилетают к нему за медом - «пусть только расцветет лотос вашей души, а о результате не беспокойтесь». Это великая истина. Не многие понимают силу мысли. Если человек замурует себя в подземелье и умрет там, исполненный Действительно великой мысли, мысль эта пройдет сквозь гранитную толщу подземелья и в конце концов охватит все человечество. Такова сила мысли, поэтому не спешите передавать ваши мысли другим.

Прежде чем давать, приобретите сами, прежде всего займитесь собой - это величайшая обязанность, которую только вы можете исполнить. Познайте Истину сами, а людям скажите о ней потом; они придут. Так поступал мой Учитель, никого не искавший, никого не осуждавший.

Народ стекался тысячами, чтобы посмотреть на этого удивительного человека, чтобы послушать его речи, каждое слово которых было исполнено силы и света.

Он поселился вблизи Калькутты, тогдашней столицы Индии, обладавшей университетом - рассадником скептиков и материалистов, которых тот выпускает ежегодно сотнями. Я уже слышал об отшельнике и тоже пошел послушать его. Он выглядел совсем как обыкновенный человек, ничего особенного в нем не было и говорил он самым простым языком. И я подумал: разве может этот человек быть Великим Учителем? Я пробрался к нему и задал ему вопрос, который я задавал всем в течение всей моей жизни: «Верите ли вы в Бога?» - «Да», - отвечал он. «Почему?» - «Я вижу Его так же, как вижу вас, только несравненно яснее». Это произвело на меня сразу сильное впечатление. Первый раз в жизни встретил я человека, который осмелился сказать, что он лицезреет Бога, что религия это не выдумка, а действительная связь с Божеством, которую можно чувствовать, ощущать несравненно более сильно, чем внешний мир. Я читал о Будде, о Христе, о Магомете, о всех этих просветленных духом людях древних времен, читал, как, обращаясь к немощному, Они Говорили: «Встань и иди», и тот вставал и шел. И я на себе убедился, что это правда, и все мое неверие рассеялось без следа. Мой Учитель часто повторял: «Религию можно передавать и воспринимать более осязательно, более действенно, чем что бы то ни было другое в мире». Религия не в

воздвижении храмов, не в посещении церковных служб, не в книгах, не в словах, не в лекциях, не в организациях, религия в связи между душой человека и Богом, в осуществлении этой связи. Как бы мы ни рассуждали, как бы много рассуждений других мы ни слушали, удовлетворит нас только одно - личный опыт, личное осуществление, и опыт этот доступен каждому, если мы только захотим попытаться. Первый шаг на этом пути - это самоотречение. Мы должны отречься от своей личности насколько только это возможно. Свет и мрак, мирские наслаждения и блаженство общения с Богом несовместимы: «не можно служить Богу и мамоне».

Второе, что я узнал от моего Учителя, это - одну из наиболее жизненных, одну из наиболее дивных истин, - что все религии мира не противоречат, не враждебны одна другой, что все они только различные проявления Одной Вечной Религии. Одна Бесконечная Религия существовала вечно и будет вечно существовать, и эта Религия выражается в различных странах различно. Поэтому мы должны относиться с уважением ко всем верованиям и пытаться принять все их, насколько только это для нас возможно. Религия проявляется не только в зависимости от времени и места, но и в зависимости от личных свойств человека. В одном она проявляется как энергичная деятельность, в труде, в другом - в глубокой набожности, в третьем - в мистических исканиях, в четвертом - в его рациональной философии, и. т. д. И мы будем неправы, если скажем другим: ваши методы неправильны. Нужно ясно понять эту важную мысль, что Истина может быть и одна, и не одна в одно и то же время, что мы можем видеть одну и ту же Истину различно с разных точек зрения. Тогда, вместо вражды, у нас будет бесконечная симпатия ко

всем. «Как различные реки, берущие свое начало с разных гор и текущие одни прямо, другие излучинами, все стекаются и смешивают свои воды в океане, так и различные вероучения с их различными точками зрения в конце концов сходятся все в Тебе». Это не теория, это должно быть признано всеми, но только не с тем покровительственным видом, который свойствен некоторым: «да, да, и у них есть кое-что хорошее...». Один говорит, что его религия лучше всех, потому что она самая древняя, другой, что его религия лучше, потому что она самая последняя. Мы должны признать, что у всякой религии есть спасающая сила. Это только грубое суеверие, если бы даже слушали его в нашем храме, - что, будто, между религиями есть разница. Бог один у всех, и ни вы, ни я, ни какая-либо группа людей не могут быть ответственными за безопасность и спасение душ людских, это - дело Божье.

В общении с моим Учителем я понял, что человек может достичь совершенства даже в этой жизни. Его уста никогда никого не проклинали, даже никогда не порицали, его глаза потеряли возможность видеть в мире зло, его ум - мыслить зло. Он видел только добро. Эта безграничная чистота, это бесконечное самоотречение, единственный путь к благу духовному. «Не через богатства, не через потомство, но только через самоотречение можно достичь бессмертия», - говорят Веды. «Продай все, что имеешь, раздай деньги нищим и следуй за Мной», - говорит Христос.

Так говорили все великие пророки и святые, так все они жили. Как можно войти в мир духовный без такого самоотречения? Отречение - это основа всякой религиозной мысли и вы всегда можете видеть, что по мере того как ослабевает эта идея отречения, так область религии захватывается земными чувствами и желаниями и духовность в такой же степени

слабее. Мой Учитель был само воплощение отречения. У нас считается необходимым, чтобы всякий, становясь санньяси, отрекался от всякого богатства, от своего прежнего положения, и он выполнил это буквально. Было много людей, которые сочли бы за великое благословение, если бы он принял от них хоть какой-нибудь дар, которые озолотили бы его, если бы он захотел, но он сторонился этих людей. Такое отречение необходимо в наши дни, когда люди уверены, что все они и месяца не проживут без того, что они называют «самое необходимое», причем «необходимости» эти у них растут в геометрической прогрессии. Необходимо, чтобы в такое время явился Человек, чтобы напомнить миру, что нужно жить и дышать, не заботясь ни на йоту ни о золоте, ни о мирской славе. И такие люди есть...

Первая часть жизни моего Учителя была посвящена работе над собой, приобретению благ духовных, а оставшиеся годы ушли на раздачу этих благ. Народ шел к нему толпами, и он беседовал с людьми по двадцать часов в сутки, и это не день, не два, а в течение долгих и долгих месяцев, пока его тело не надломилось под тяжестью такого страшного напряжения. Его глубокая любовь к людям не позволяла ему отказать в помощи никому, даже самому последнему из тех тысяч людей, которые искали его помощи. Постепенно у него развилась опасная болезнь горла, но его нельзя было убедить оставить свои беседы. Как только он слышал, что кто-нибудь пришел, он просил, чтобы пришедшего немедленно впустили, и он вступал с ним в беседу. Он не знал отдыха. Однажды один из посетителей сказал ему: «Вы великий Учитель... Почему вы не хотите обратить немного внимания на ваше тело и излечить болезнь?». Сперва он ничего не ответил, но когда вопрос повторили, он мягко сказал: «Я думал, друг мой, что вы мудрый

человек, но вы говорите, как говорят все люди. Я отдал свою душу Богу - думаете ли вы, что я должен взять ее у Него обратно и отдать ее моему телу, клетке, в которой она заключена?».

Но вот разнесся слух, что Учитель скоро, по-видимому, покинет свое тело. Народ пошел к нему еще большими, чем прежде толпами, чтобы послушать его, чтобы хоть прикоснуться к краю его одежды. И Учитель, по-прежнему не обращая внимания на свою болезнь, продолжал беседовать с людьми. Мы не могли воспрепятствовать ему. Многие приходили очень издалека, и он не хотел отдыхать, пока не удовлетворит их духовные нужды: «Пока я могу еще говорить, я должен говорить...» - отвечал он нам.

Однажды он сказал нам, что в этот же день он освободится от тела. Повторяя самые священные слова из Вед, он погрузился в *самадхи* и незаметно отошел в Вечность...

Его мысли, его послание были известны во всей их полноте лишь очень немногим, кто был способен проповедовать эти истины. Среди них было несколько юношей, отказавшихся от мира и готовых продолжать его дело. Они жили как санньяси, прося милостыню по улицам родного города, хотя некоторые из них были из самых знатных и богатых семей. Сперва они встретили большое сопротивление и враждебность, но, имея перед духовными очами благословенный пример Учителя, они держались твердо и ходили по стране, распространяя учение великого Учителя, пока вся страна не узнала его Учения.

Человек этот был из глухой деревушки Бенгалии, без всякого образования, только всем напряжением своей воли познал он истину и передавал ее другим, оставив после себя лишь несколько юношей, чтобы продолжать распространять ее... А теперь имя его, имя Шри Рамакришны Парамахамсы, знает вся Индия, знают миллионы людей. Нет, сила его вышла уже далеко за пределы Индии, и если я теперь или

когда-либо, здесь или где-либо, сказал слово истины, слово, исполненное духа, я обязан этим моему Учителю - моего в моих речах только ошибки.

Вот в немногих словах то, что говорит Шри Рамакришна современному миру: «Не заботьтесь о вероучениях, не заботьтесь о догматах, о вашей секте, о церквах, - все это ничтожно в сравнении с сущностью жизни человека; сущность - это Дух, и чем более развит в человеке этот Дух, тем могущественнее человек в делании и достижении добра, блага. Сперва добейтесь, достигните этого и никого не осуждайте, так как во всяком вероучении, во всякой секте есть доброе. Покажите всей вашей жизнью, что религия - это не звук пустой, не имена, не секта, что религия - это жизнь в духе, осуществление такой жизни. Только те могут понять это, кто почувствовал это. И только те, кто поднялся в этот мир духа, могут сообщить духовную жизнь другим, могут быть великими учителями человечества, только они - силы Света... Прежде всего осуществляйте Истину в своей личной жизни...». Учитель хотел, чтобы мы все отдавали ради ближних и ради самих себя; он хотел, чтобы люди перестали говорить о любви к ближнему, а доказывали бы эту любовь делами. Ныне настало время для самоотречения и осуществления великих заветов, и, вступив на этот путь, вы увидите согласие и гармонию между всеми религиями мира, вы увидите, что нет нужды ни в каких спорах и раздорах, и только тогда вы будете в состоянии помочь человечеству. Провозгласить и сделать ясным основное единство всех религий было делом, совершить которое и был Послан мой Учитель. Другие учителя человечества учили каждый своей религии, которые и носят их имена, но этот великий Учитель XIX века не хотел ничего для себя, он оставил нетронутыми все религии, потому что он понял, что в действительности все они - лишь части Единой Вечной Религии.

Глоссарий

Абсолют - в философии и некоторых религиях - безусловное, совершенное начало бытия, свободное от каких-либо отношений и условий (равнозначное Богу, Началу всех начал, Богов, миров); конечное звено развития Духа, как и его начало. В индуизме - Брахман.

Аватара (или *Аватар*) - воплощение, инкарнация, нисхождение Бога на Землю в образе человека или иного существа. Известны десять основных Аватар Вишну.

Адвайта-веданта - «Веданта недвойственности» - одна из форм толкования философии Веданты, недуалистическая школа философии Веданты, основанная Шанкарой (VIII-IX вв.). Утверждает неразделенность основного духовного начала (*брахмана - атмана*), его единственную реальность и иллюзорность эмпирического мира.

Атман - индивидуальное духовное начало; в Веданте утверждается качественное тождество Атмана с Брахманом.

Аханкара - понятие ложного материального «Я» (я - действующий). Эгоистический принцип (эгоизм) в человеке, который из-за нашего невежества отделяет наше истинное «Я» от Бога.

Ахимса - обет ненасилия.

Ашрам - священное здание, монастырь или приют уединения; школа определенного гуру, или Учителя, где живут его последователи.

Брахман¹ - безличный аспект Абсолютной Истины

Брахман² - высшая из четырех основных индийских каст; тот, кто познал Брахман.

Брахмасамадж - религиозное движение под названием «Дом Брахмы», созданное Кешабом, пытавшимся соединить индуизм, свободный от излишней обрядовости и суеверий, с христианством.

Бхагавад-гита - «песнь Бога», часть древнего ведического эпоса «Махабхарата», трактата, излагающего основы ведической духовной философии, описывающего различные пути достижения духовного совершенства и считающих главным путем к достижению совершенства бескорыстное служение Богу с любовью и преданностью.

Бхакти - преданность, любовь к Богу, обретение которой вайшнавцы считают высшей целью всех религий. Это послание широко проповедовал Аватара для калиюги Шри Чайтаньи Махапрабху (XVI в.), который ввел санкиртану - совместное прославление Бога как главный метод достижения духовного совершенства в нынешнюю эпоху.

Вайшнав - последователь вайшнавизма - одной из ветвей индуизма, поклоняющийся Богу Вишну (или Кришне) как единственному Высшему Богу.

Веданта - «окончательные выводы Вед». Целью бытия Веданта считает освобождение души из рабства материального мира, обретения ею своей изначальной духовной природы и развитие отношений с Богом. Позднейшие варианты толкования Веданты - это адвайта-веданта Шанкары, учение Рамануджи.

Веды - древние священные тексты, составленные Вьясадевой около 5000 лет назад. В них содержится все знание: как духовное, так и материальное. Включают в себя Упанишады, Пураны, исторические эпосы и веданги (прикладные знания). Передавались устно в течение тысяч лет. В письменном виде насчитывают более трех тысяч лет.

Вигьяна - реализованное духовное знание.

Гуру - духовный Учитель. Используется также относительно учителя в любой науке.

Гурун - один из основателей секты сикхов. Первый - Нанак, всего их было десять.

Ишвара - имя Бога, означающее «повелитель».

Джайнизм - религиозное течение в Индии, напоминающее буддизм, но возникшее на много веков раньше него. Они заявляют, что Гаутама Будда был учеником одного из их Тиртханкаров, или Святых. Они отрицают авторитет Вед и существование какого-либо личного Верховного Бога, но верят в бесконечность материи, периодичность существования вселенной и бессмертие человеческих умов (Манаса), а также и умов животных.

Йога - буквально, «связь», «единение», «сосредоточение», «усилие». Общее название ряда религиозно-мистических учений и практик (медитация, физические упражнения, образ жизни и т.п.). Наиболее важные направления йоги, дополняющие друг друга, это: гьяна-йога (метод развития духовного знания), карма-йога (путь благочестивой деятельности, плоды которой предлагаются Богу), бхакти-йога (путь развития любви к Богу через служение Ему), аштанга-йога (хатха-йога) (восьмиступенчатая система, включающая в себя физические и психические упражнения, направленные на очищение тела и постижение Бога в аспекте Сверхдуши).

Кали - в индуизме женская ипостась Шивы, его супруга.

Кали-юга - (юга - период, эра), часть кальпы, Мирового времени, одно из понятий ведической философии, обозначающее периоды существования мира и человечества. Из четырех основных периодов («золотой», «серебряный», «бронзовый», «железный») олицетворяет собой четвертый, завершающий. По окончании кали-юги - эпохи, в которую мы сейчас живем, ей на смену придет «золотой» век по закону прохождения спиралей мирового цикла.

Карма - одно из основных понятий индийской религии и философии, дополняющее понятие самсары - череды перевоплощений человека. В широком смысле - общая сумма совершенных всяким живым существом поступков и их последствий, определяющая характер его нового рождения. В узком смысле - влияние совершенных действий на характер настоящего и последующего существования.

Кришна - «Всепривлекающий» - Бог в индуизме - изначальный источник всех Аватар.

Лакшми - индийская Богиня красоты, удачи, процветания и любви, олицетворение творческой силы; супруга Бога Вишну.

Майя - «иллюзия» - сила, через которую Абсолют проявляет Вселенную до материальной формы. Это сон Брахмана, его воображение, игра; покров скрывающий от людей причины всего. Майей звали и мать царевича Гаутамы, ставшего Буддой. В индийской философии, особенно в адвайта-веданте то, что определяет иллюзорность всего воспринимаемого мира, скрывающего под видимым многообразием свою истинную сущность - Брахмана как единственную реальность.

Манас - «ум», мыслительная способность.

Ману - прародитель человечества, составитель законов для человеческого общества. Законы Ману (Ману-самхита) - сборник предписаний о правилах поведения цивилизованного человека в частной и общественной жизни.

Махабхарата - ведический эпос, составленный литературным воплощением Бога Вьясадевой 5000 лет назад; состоит из 18 частей, в него входит великий философский трактат Бхагавад-гита.

Миссия Рамакришны - организация по продвижению учения Рамакришны в Индии и по всему миру, сочетание монастырей с сетью школ, общедоступных библиотек, больниц и т.п.

Мукти - освобождение от материальной жизни.

Нараяна - одно из имен Бога Вишну.

Нирвикальпа-самадхи - высшее единение с Брахманом, состояние нахождения в нирване.

Нирвана - «угасание», центральное понятие буддизма, означающее состояние растворения в пустоте, цель тех, кто стремится к безличному освобождению, отсутствие желаний, абсолютной отстраненности от внешнего мира. Это состояние абсолютного сознания, в котором эго человека, достигшего при жизни высочайшей степени совершенства и святости, вступает по смерти тела, а иногда, как в случае Гаутамы Будды, еще при жизни.

Пандит - ученый, в Индии почетное звание ученого брахмана, высокообразованного в области Ведических священных писаний.

Парамахамса - титул святого в Индии.

Пракрита - вселенское женское начало, материальная природа.

Прозелит - человек, принявший новое вероисповедание.

Пуджари - служитель индуистского храма.

Пуджа - ритуал поклонения, выражения почтения, оказываемого Божеству в храме или святым личностям.

Пураны - собрание древних ведических писаний, описывающих историю всего материального мира, а также устройство духовного мира. Существуют 18 таких писаний.

Пуруша - вселенское мужское начало.

Рама - главный герой индийского эпоса «Рамаяна», образ мудрого добродетельного царя-героя, седьмой Аватар Вишну. Рама женился на Сите, которая была воплощением Лакшми, супруги Вишну, и была похищена Раваной, демоном-царем Ланки, что привело к знаменитой войне.

Реконкиста - отвоевание чего-то захваченного противной стороной.

Савикальпа-самадхи - состояние сверхсознательного экстаза, при котором дух все же поддерживает связь с внутренним миром, с миром мысли.

Садху - святой.

Садхана - регулярная духовная практика.

Садхака - тот, кто посвящает себя садхане.

Самадхи - состояние полного экстатического транса, полное погружение в духовное сознание. Обладающий этой силой способен контролировать все свои физические и умственные потребности.

Самдхана - состояние, достигнув которого йог уже не может свернуть с пути духовного развития, так как все материальное для него перестает существовать.

Самйаса - подавление ментального смятения.

Санкиртана - совместное пение духовных песен, мантр, прославляющих Бога.

Сандхья - переходный период между двумя югами, а также между различными частями суток, например днем и ночью.

Санньяса - путь отречения от мира.

Санньяси - человек, вставший на путь санньясы - отречения от всех мирских желаний, четвертый (высший) уклад жизни общества варнашрамы.

Свами - почетное звание и обращение к гуру, Учителю, святому подвижнику, означает «святой».

Сиддха - святой или мудрец, достигший совершенства.

Сиддхи - живые существа с высших планет - аналоги ангелов у христиан.

Сикхи - последователи сикхизма - секты в индуизме в XVI-XVII вв., ставшая впоследствии самостоятельной религией. Основой ее является единобожие, отрицание идолопоклонства, кастовое равенство сикхов перед Богом.

Тантра - мистическое и магическое учение, в основе которого лежит почитание женской силы, олицетворенной в Шакти, богинях и женах богов. Философия Тантры подробно описана в книгах Ошо.

Трансцендентализм - философско-литературное движение, возникшее в Америке в середине XIX в. Основные идеи: социальное равенство «равных перед Богом» людей, самосовершенствование, близость к природе, очищающие человека от «вульгарно-материальных» интересов.

Упанишады - часть Вед, описывающая в основном безличный аспект Бога.

Хануман - обезьяна из «Рамаяны», верный союзник Рамы в войне с демонами Ланки; отличался непревзойденной отвагой и умом.

Хари - одно из имен Бога Вишну.

Чела - ученик, послушник.

Шамбала - мистическая местность, упомянутая в Пуранах, откуда согласно пророчествам в конце кали-юги явится Калки - Аватара Вишну.

Шива - Гуна-Аватара Бога, разрушитель, периодически уничтожает материальное творение.

Шри - титул святого (то же, что и Свами).

Эзотерика - это система бывших тайными духовных знаний и методик, доктрин, мистических и религиозных учений, которая постепенно раскрывается людям по мере роста духовного уровня человечества.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
ВВЕДЕНИЕ.....	6
ЧТО ТАКОЕ УЧИТЕЛЬ?.....	8

ЭПИЗОДЫ ИЗ ЖИЗНИ РАМАКРИШНЫ, ЕГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ, НАСТАВЛЕНИЯ И ПРИТЧИ

1. ПЕРВЫЙ ЭКСТАЗ.....	10
2. ОТРОЧЕСТВО, ЮНОСТЬ И ВОЗМУЖАНИЕ РАМАКРИШНЫ.....	12
3. ПЕРВЫЕ УЧИТЕЛЯ ПОЗНАНИЯ.....	17
4. «НАГОЙ» НАСТАВНИК.....	21
5. ТОЖДЕСТВО С АБСОЛЮТОМ.....	27
6. ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЛЮДЯМ.....	39
7. НА БЕРЕГУ ОКЕАНА.....	44
8. КЕШАБ И РАМАКРИШНА.....	52
9. БОГОЧЕЛОВЕК.....	62
10. СУТЬ УЧЕНИЯ РАМАКРИШНЫ.....	64
11. ПРИЗЫВ СРАБОТАЛ.....	68
12. ИСТОРИЯ ГИРИША.....	76
13. ПЕРЕДАЧА ЭСТАФЕТЫ.....	82
14. ДВЕ ПРИТЧИ: О СЛОНЕ И О ЗМЕЕ.....	87
15. НАРЕН И УЧИТЕЛЬ.....	93
16. РАМАКРИШНА О ГРЕХЕ.....	97
17. СОБРАНИЯ-БЕСЕДЫ.....	99
18. РЕКА ВОЗВРАЩАЕТСЯ В МОРЕ.....	103
19. СВАМИ ВИВЕКАНАНДА.....	104
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. МОЙ УЧИТЕЛЬ (Речь, произнесенная Свами Вивеканандой в обществе «Веданта» в Нью-Йорке).....	109
ПРИЛОЖЕНИЕ. ГЛОССАРИЙ.....	132